ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й
№ 27 (3993)
Вторник,
3
марта
1959 г.

Цена 40 коп.

Дружно проходило голосование на 27 избирательном участке Калининского избирательного округа г. Москвы. На снимке (слева направо): молодые избиратели слесарь В. Травин, техник Г. Бондако, токарь В. Травин, техник В. Богатырев, геодезист А. Ганеев и наборщица В. Батова в зала для голосования. Фото А. ГЛИЧЕВА

Под знаком великого единства партии, правительства и народа, с небывалым патриотическим подъемом, вызванным историческими решениями XXI съезда КПСС, прошли в воскресенье, 1 марта, выборы в Верховные и местные Советы Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Узбекской, Казахской, Молдавской, Латвийской, Таджикской и Туркменской республик. Выборы повсеместно проходили, как светлый всенародный праздник, они вылились в яркую демонстрацию непреклонной решимости советских людей успешно выполнить величественную программу развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

Голосуют москвичи

В ЭТОТ день шоссе Энтузиастов, как никогда, оправдывало свое название. Людное, разноголосое, праздничное, оно, казалось, до краев было заполнено тем самым негасимым народным воодушевлением, в честь которого и получило свое название. Шоссе Энтузиастов — сердцевина Калининского избирательного округа, где баллотировался в Верховный Совет РСФСР Никита Сергеевич Хрущев.

По традиции многие пункты голосования разместились в школах. Я приехал в 439-ю школу. По широким коридорам чинно ходят избиратели, а в классах за партами беседуют производственники завода «Фрезер». Собираюсь, по старой репортерской привычке, заполнить блокнот торопливыми записями и мчаться дальше. Но после первых бесед с теми, кто пришел сегодня сюда, я, забыв о времени, прочно обосновываюсь в школе.

Видимо, так уж заведено у нас, что в день выборов люди становятся ближе друг другу, словоохотливее. Начинаешь особенно ясно ощущать и оценивать все, что дала нам наша родная Советская власть.

Света Давиденко — высокая кареглазая девушка в васильковом платочке — голосует сегодня в первый раз. Ей особенно приятно голосовать именно здесь, в школе, которую окончила. Она пришла вместе с подружками, все они — участники соревнования за звание бригады коммунистического труда. Света рассказывает, что изготовляет сверла для часовой промышленности, работать приходится с микроскопом.

— В белых халатах?

— Нет, халаты у нас синие, — говорит девушка и с улыбкой добавляет: — Но очень чистые.

Все ее подруги учатся в институтах, техникумах, вечерних школах. А если измерить их планы на будущее замечательным аршином семилетки, получается поразительная вещь: все члены бригады к концу семилетия станут инженерами!

С таким же настроением голосуют впервые и Виктор Афроськин, пришедший после десятилетки на родной «Фрезер», и Виталий Варганов, направленный коллективом школы в театральное училище имени Щепкина, и многие другие юноши и девушки.

Среди избирателей не только молодежь, но и те, кто своими руками строил, укреплял и пестовал власть Советов. Избиратели выглядят по-разному: одни празднично нарядные, отдохнувшие, неторопливые, другие — в спецовках, в халатах, забрызганных машинным маслом; они пришли сюда прямо с ночной смены.

Пелагея Петровна Максименко пришла в железнодорожной шинели с флажками за поясом. Она спешит: ее подменили на дежурстве. Ей хотелось ранним приходом на избирательный участок подчеркнуть свое уважение к той власти, за которую она голосует. Железнодорожница награждена двумя медалями «За трудовую доблесть». Эта честная труженица, одна вырастившая сына и дочь, работающих теперь на «Фрезере», особенно обрадована — накануне она получила новую комнату.

Как ни торопилась Пелагея Петровна, чтобы первой подойти к избирательной урне, все же фрезеровщица Ольга Александровна Данченко опередила ее. Первой опуская бюллетень, она сказала:

— Сегодня у меня двойной праздник: день выборов и новоселье. Наша семья получила две комнаты в новом доме.

Новоселье! Какое это замечательное слово. И я думаю о том огромном количестве жилья, что за семилетку будет построено,— около 15 миллионов квартир!

— С радостью отдаю свой голос за Никиту Сергеевича Хрущева — верного и стойкого ленинца, — говорит, опуская бюллетень, хромировщик завода «Фрезер» Алексей Тимофеевич Сиземов.

С уважением называют избиратели передовых людей «Фрезера», выдвинутых кандидатами в депутаты местных Советов, в частности новатора и активную общественницу фрезеровщицу Веру Арсентьевну Петрову, вторично баллотирующуюся в депутаты Московского Совета. Высокого доверия удостоились также бригадир ОТК А. Т. Жигарева, слесарь-механик П. Н. Мотырев. Люди не торопятся; они собираются небольшими группами у окон или садятся за парты в свободном классе, говорят о своей жизни, о светлом будущем, о семилетке.

Клуб завода «Каучук». Фрунзенский избирательный округ. Здесь голосуют за Екатерину Алексеевну Фурцеву, за директора школы Г. И. Чудина, токарей А. Н. Баранова и В. Г. Ерохина, за работницу комбината «Красная роза» Т. С. Есиневскую.

И здесь, отдав свой голос за власть Советов, люди говорят о нашей жизни, о своих планах.

Постановление об общественном питании, опубликованное накануне, с особым удовлетворением встречено женщинами.

— Кончится, наконец, «война с кастрюлями»,—говорит пожилая избирательница, и ее дружно поддерживают спутницы.

Сотрудница Института питания Академии медицинских наук СССР Галина Сергеевна Коробкина рассказывает о большой работе института.

— Задача наших столовых,— говорит она,— не просто накормить человека, а накормить его вкусно и рационально.

...Один за другим подходили люди к урнам и опускали в них аккуратно сложенные листки бюллетеней. Москвичи голосовали за лучших людей Родины, за власть Советов, за наше счастье, за коммунизм!

Юрий ЯКОВЛЕВ

На улице Кронштадтской

ШИРОКИЙ проспект Стачек за Кировским заводом. В преддверии новых просторных улиц Автова — огромная площадь с обрамляющими ее жилыми корпусами. Два года назад не было и этой площади, и этого многоэтажного дома, где расположился избирательный участок № 53.

Избиратели хорошо знают своих кандидатов, в частности прославленного фрезеровщика Кировского завода Ивана Давыдовича Леонова. Сегодня его избирают в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

Голосуют новоселы — моряки Балтийского пароходства, работники ближайших предприятий — жильцы новых домов на проспекте Стачек, на Кронштадтской улице. В самых последних справочниках вы не найдете еще этой улицы, но уже гостеприимно светятся огни ее многоэтажных зданий.

— Хорошо здесь жить, — говорит инженер Лев Федорович Крупальник. — Просторно, солнечно, много зелени. Может быть, мне, как новоселу, еще все в новинку, но, честное слово, это один из лучших районов Ленинграда.

Его жена Галина Михайловна, учительница, соглашается с мужем:

— Вот только поблизости нет столовой. Я бы с удовольствием брала обеды на дом. Очень обрадовало меня последнее постановление об улучшении общественного питания. Каждая женщина говорит за это спасибо партии и правительству.

...Еще одна встреча. Рослый, плечистый механик, Владимир Александрович Синицын. Тоже один из новых жильцов Автова.

— Мне, как моряку, — говорит Владимир Александрович, — особенно заметны размах и темпы жилищного строительства. Приезжаешь домой после шестимесячного плавания и не узнаешь улицы. Советскому моряку дальнего плавания особенно бросается в глаза разница между нашей жизнью и жизнью за рубежом.

Из разговора с Синицыным узнаю, что он бывший балтийский военный моряк, защищал Ленинград во время Великой Отечественной войны. Я вспомнил наш передний край, что проходил совсем недалеко отсюда, и роту разведки, куда мне приходилось не раз пробираться ползком или перебежками. И обоим нам показалось, что эти воспоминания двух ленинградцев имеют прямое отношение к сегодняшнему дню, к его радостям и успехам.

Петр ОИФА

ЛЕНИНГРАД

ДОВЕРИЕ

— ЗА ЧТО вы голосовали?— первый человек, к которому я обратился с этим вопросом, был мужчина лет сорока пяти. Услышав мой вопрос, он улыбнулся и переспросил:

— За что или за кого?

— За что?, — повторил я.

— Как вам сказать... Конечно, за то, чтобы жизнь наша стала еще лучше. А вот — за кого?.. Я-то ведь не здешний, приехал по командировке из Чернигова. Ну и вот, пришел на избирательный участок этот, 27-й, получил бюллетени и спрашиваю: за кого, мол, буду голосовать? Мне и объяснили: кандидат в депутаты Верховного Совета УССР — рабочий-строитель, а городского Совета — повар столовой № 200 на улице Карла Маркса. Ну, слава богу, говорю, а то если бы это был повар из столовой, что на улице Саксаганского, честное слово, крепко бы подумал, прежде чем голосовать за него... Нет, узнал, что наш кандидат — Екатерина Михайловна Мороз, 38-летняя женщина, участница Великой Отечественной войны, мастер кулинарного дела.

В день выборов киевские газеты опубликовали постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания», и естественно, что избиратели, может быть, особенно оживленно обсуждали кандидатуры работников общественного питания, которые баллотировались на выборах.

...Голосование на избирательном участке № 27 закончилось к 12 часам дня. Сегодня стало известно, что Екатерина Михайловна Мороз избрана депутатом в Киевский городской Совет.

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ. 2 марта. (Наш корр.)

ВЕЛИКОМУ ВРЕМЕНИ — ВЕЛИКУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

На партийном собрании писателей Москвы

XXI СЪЕЗД Коммунистической партии Советского Союза, ознаменовавший вступление нашей Родины в период развернутого строительства коммунистического общества, — событие всемирно-исторического значения. В решениях XXI съезда КПСС выражены мечты и стремления миллионов советских людей. Именно поэтому семилетка вызвала могучий политический и производственный подъем всего советского народа. Коллективы заводов и фабрик, колхозов и совхозов, научно-исследовательских институтов и творческих организаций размышляют сейчас над тем, как сократить сроки выполнения заданий семилетнего плана, приблизить будущее. Каждый советский человек определяет сегодня свое рабочее место на широком фронте великой коммунистической стройки — он хочет отдать все силы и знания общенародному делу. Жить и работать по-коммунистически — это высокое обязательство берут на себя тысячи передовых рабочих и колхозников.

Переход к коммунизму требует не только высокой производительности труда, но и высокого уровня сознательности всех граждан общества. Вот почему наша партия придает исключительно важное значение коммунистическому воспитанию трудящихся. А в этом деле первые помощники партии — деятели литературы и искусства. «В развитии и обогащении духовной культуры социалистического общества, — говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,— важную роль играют литература и искусство, которые активно способствуют формированию человека коммунистического общества. Нет благороднее и выше задачи, чем задача, стоящая перед нашим искусством, — запечатлеть героический подвиг народа — строителя коммунизма. Деятели литературы, театра, кино, музыки, скульптуры и живописи призваны поднять еще выше идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, в пропаганде принципов коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры, в формировании хорошего эстетического вкуса».

Эта благородная задача увлекает писателей, рождает в них страстное желание воспеть героя нашего времени — творца коммунизма, запечатлеть те глубокие изменения, которые произошли в нашей жизни за последние годы. Готовность писателей выполнить поставленные партией задачи, горячее одобрение решений XXI съезда КПСС ярко сказались на состоявшемся 28 февраля объединенном открытом партийном собрании парторганизаций московских писателей и правлений Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР. Собрание показало, что к своему III Всесоюзному съезду советские писатели идут по-настоящему боевым, единым, сплоченным отрядом, воодушевленные идеями XXI съезда КПСС.

Собрание открыл секретарь парторганизации московских писателей **В. Сытин.**

С докладом об итогах XXI съезда КПСС и задачах партийной организации московских писателей выступил заведующий отделом культуры ПК КПСС **Д. Поликарпов.**

Первым в прениях взял слово **О. Писаржевский.** Великие дела, на которые зовет нас партия, говорил оратор, требуют высокой организованности во всей нашей работе. Мы должны лучше направлять сегодняшний литературный процесс. Сколько писателей в годы первых пятилеток по командировкам газет, журналов, издательств отправилось за материалом для своих книг в самую гущу великих работ! И сколько родилось там замечательных произведений! Разве ныне мы не сможем организовать это дело с еще большим размахом? Недостаток оперативности — наша общая беда, но прежде всего это относится к очерку. «Библиотека текущей жизни» могла бы помочь преодолеть этот недостаток.

Редакции не должны выпускать из поля своего зрения темы, которые выдвигает современная жизнь. Я хотел бы обратить внимание на две такие темы. Во-первых, необходимы книги, которые раскрывали бы широкому читателю достижения и искания современной научной мысли. Вторая тема — еще более тонкая и писательская. Молодежь ищет произведений, в которых бы умно и интересно рассказывалось о том, как жить по-коммунистически. Сколько пользы принесла бы книга, талантливо пропагандирующая этические идеалы человека завтрашнего дня, — она бы наверняка стала компасом, направляющим поведение наших молодых людей.

На съезде партии, сказал **С. Кирсанов,** развернут гигантский план, масштабы которого — миллионы тонн угля, зерна, металла, бумаги для газет и книг, миллионы квадратных метров жилой площади. И чем больше вдумываешься в эти грандиозные цифры, тем яснее становится каждому из нас смысл жизни и труда.

Недавно в вагоне поезда я разговорился с иностранным корреспондентом, представляющим одну из реакционных буржуазных газет. Когда он узнал, что я беспартийный, он сразу оживился и стал выражать соболезнование советским писателям. Я сказал, что держусь таких же взглядов, как и любой член партии. Это ему показалось одной из «загадок» нашей «таинственной» страны. Но для нас это не загадка. Весь наш народ и каждый из нас идет за партией, учится у нее трудиться и творить.

Понятно, что в семилетнем плане не забыта и вся советская литература, и каждый писатель в отдельности, хотя в плане нет контрольных цифр нашего творчества. Мы не можем и не должны планировать, скажем, увеличение числа романов втрое, а стихотворений — вчетверо. Сто плохих книг не заменят одной хорошей. И важно не количество изданных книг, а количество труда, вложенного автором в произведение. И хочется подчеркнуть, что даже плохие вещи не так вредны, как средние. Средний уровень «безопасен», к нему не придерешься. В средних произведениях нет «ярких» плохих мест, а мы иной раз упиваемся цифрами тиражей и забываем о человеке, которому попадает в руки скучная, серая книга. В беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил, что «...наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство». Мы должны помнить об этом: ведь семилетка, несомненно, вызовет необычайный подъем вкуса и требовательности к искусству и литературе. Конечно, литература не может состоять из одних великанов, но стремиться к большому искусству должен каждый.

Призыв партии теснее связать литературу с жизнью указывает путь к великому искусству, к большим удачам. Этот призыв обеспечивает художнику возможность свободно выразить то, во что он верит. А верит советский художник в правоту наших взглядов на жизнь, в правоту идей Ленина, в правоту советского человека, который строит коммунизм!

Внеочередной партийный съезд, отметил **Л. Соболев,** нашел отклик в душах всех советских людей, где бы они ни жили, чем бы ни занимались. За цифрами и заданиями, записанными в его решениях, хорошо видна высокая наша человечность, большая забота партии о народе. До всех мелочей доходит наша партия, и мы это очень хорошо чувствуем. Нет такой области народной жизни, которая не была бы затронута XXI съездом. Каждый из нас ощущает большой взлет всей страны. Кажется, закипела вся поверхность советской жизни — словно одновременно начали действовать миллионы вулканов и вулканчиков народной инициативы. В каждом человеке, в каждом коллективе разбужены могучие силы.

Мы, литераторы, должны по-хозяйски деловито, точно и конкретно обдумать, чем наш немалый коллектив может помочь сейчас партии и народу. Если каждый из писателей в ближайшее время создаст рассказ, маленькую пьесу или поэму о современности, а это можно и нужно сделать, то наш читатель получит большое количество отличных произведений. Успех зависит только от нашей собранности и целеустремленности. Вспомним Великую Отечественную войну. Многие писатели, приехав на фронт, не сразу поняли, что им следует делать. Сначала писали заметки, корреспонденции, отклики. Потом большинство пришло к мысли, что нужно создавать рассказы. И в литературе военных лет рассказ занимает почетное место.

Журналы должны обеспечить практическое осуществление этой идеи—надо открыть дорогу рассказу. В апреле правление Союза писателей РСФСР соберет писателей, работающих в жанре рассказа. Надо, чтобы и издательства поддержали наше начинание, организовав выпуск серий маленьких книжек рассказов.

Порой проявляется, продолжал Л. Соболев, какая-то неоправданная стеснительность, когда мы пишем о жизни капиталистических стран. «Голубые» путевые очерки создаются по нехитрому принципу: у нас хорошо и у вас неплохо, у нас красиво и у вас красиво. Очарованные музейными красотами, авторы таких

(Окончание на 2-й стр.)

На партийном собрании московских писателей — Фото А. ЛЯПИНА

СЕМИЛЕТКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

СРЕДИ мероприятий по подъему народного благосостояния, предусмотренных семилетним планом, важное место занимает широкое развитие и улучшение общественного питания. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое на днях,— новое проявление заботы о тружениках нашей страны, об их здоровье, об экономии времени.

Наш корреспондент обратился к заведующей отделом общественного питания Научно-исследовательского института торговли и общественного питания В. И. Трофимовой с просьбой рассказать о том, как в связи с этим постановлением будет строиться работа столовых, ресторанов, чайных, кафе, закусочных.

— Каждая хозяйка знает, сколько времени отнимает у нее приготовление даже самых, казалось бы, простых блюд, — сказала Валентина Ивановна Трофимова.— В небольших столовых, ресторанах, закусочных механизировать все операции практически невозможно.

Между тем именно из таких небольших предприятий главным образом и состояла до настоящего времени у нас система общественного питания. В каждой столовой совершался весь цикл приготовления пищи — от первоначальной обработки сырья, кончая готовой продукцией. Нужно ли говорить, как это замедляло и усложняло работу! Серьезные недостатки в работе предприятий общественного питания и отмечены в Постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР.

По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР новая система организации производства на предприятиях общественного питания начнет вводиться уже с этого года. Столовые, рестораны, кафе, закусочные будут получать не сырье, а готовые полуфабрикаты, из которых готовить блюда значительно проще, быстрее, дешевле.

Для изготовления полуфабрикатов создаются крупные механизированные фабрики-заготовочные, специальные цехи при фабриках-кухнях и больших столовых. Значительно увеличится объем производства, будут механизированы и автоматизированы отдельные процессы; работники специализируются на определенных операциях, что, в конечном счете, резко повысит производительность труда. Во многих крупных городах — в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Минске, Харькове — уже построены такие заготовочные предприятия. Столовые, кафе, закусочные и даже рестораны этих городов уже переходят на приготовление блюд из полуфабрикатов. Намечено открыть более 64 тысяч новых предприятий общественного питания. Будет значительно расширена продажа полуфабрикатов в продовольственных магазинах.

— Не отразится ли все это на разнообразии и вкусовых достоинствах блюд?

— Наоборот, это позволит предложить посетителям значительно более богатый, чем сейчас набор блюд.

Разработан очень широкий ассортимент полуфабрикатов из мяса, птицы, рыбы, картофеля и овощей. В заготовочных применяется новая технология переработки продуктов, что даст возможность сохранить их питательные и вкусовые свойства.

Государственное издательство торговой литературы выпустило специальный сборник, в котором дана технология изготовления полуфабрикатов.

— Вы упомянули о механизации и автоматизации производства на предприятиях общественного питания. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— В первую очередь будут механизированы заготовительные цехи, — отвечает В. Трофимова. Для них уже разрабатывается специальное оборудование. Техническая мысль направлена на то, чтобы создать комплексную систему механизации, позволяющую до минимума сократить ручную работу.

Возьмите, например, картофель. Его очистка — одна из наиболее трудоемких операций. В ближайшем будущем картофель будет чиститься новыми, очень экономичными картофелечистками. Институт рекомендовал такой способ обработки очищенного картофеля, в результате которого он не темнеет на воздухе, не теряет питательных качеств. Это позволит создавать запасы его на несколько дней.

Производство отдельных видов полуфабрикатов будет автоматизировано. Предприятия оснащаются автоматами для производства котлет, пирожков, пончиков. Проектируется оборудование для выпуска новых кулинарных изделий, таких, как бефстроганов, гуляш, азу, запеченные в тесте, а также для изготовления кулинарных изделий в замороженном виде. На Московском рыбообрабатывающем комбинате разработана поточная линия по изготовлению жареных «рыбных палочек».

Широкое развитие и улучшение общественного питания в городах и селах всей великой Советской страны не только самым непосредственным образом отразится на благосостоянии народа, но и улучшит быт семьи, резко сократит тяжелый труд женщины в домашнем хозяйстве.

ВЕЛИКОМУ ВРЕМЕНИ — ВЕЛИКУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

очерков часто не видят реальных противоречий буржуазного мира. Между тем наш долг — дать молодежи подлинно коммунистическое воспитание.

Серьезные упреки сделал оратор книготоргам, которых мало заботит продвижение книги к читателю.

Мне кажется, что мы, литераторы, иногда знаем о жизни гораздо меньше тех, к кому мы обращаемся, говорит **А. Васильев.** Выступая против произведений, в которых современны лишь внешние признаки, оратор указывает на то, как мало еще московские писатели используют свои громадные возможности в деле изучения жизни трудящихся родного города.

Сейчас правление Московской писательской организации принимает меры, чтобы писатели создавали больше коллективных работ. Выпускается ряд сборников: о бригадах коммунистического труда, о Москве трех революций, о Подмосковье и т. д.

Оратор отмечает, что в вопросе о работе книготоргов неправильно было бы ограничиться односторонними упреками. Многое зависит и от нас самих. Во-первых, мы сами не занимаемся пропагандой своей книжной продукции, а во-вторых, что греха таить, немало появляется довольно серых, скучных книжек. Обвинять во всем книготорги нельзя.

В. Кожевников посвятил свое выступление публицистике в наших журналах.

Мне кажется, сказал он, что принцип публицистичности должен охватывать наши печатные органы в целом, а не какой-нибудь один их отдел. Публицистичность — это дух литературы, это отношение общества к современной его истории.

Мы правильно говорим о том, что писатель должен воспитывать народ в высоких нравственных качествах. Но мы не можем не требовать коммунистического отношения к труду и от самого писателя.

Высшее мерило художественных достоинств произведения — место, которое оно занимает в сознании народа, общества. Пусть в произведениях любого жанра чувствуется живое биение сердца человека, осознавшего те великие преобразования, которые совершаются в нашу эпоху.

Дни работы XXI съезда войдут в историю борьбы людей за человеческие условия существования на земле как одни из самых незабываемых, начинает свое выступление **А. Сурков.** Литература семилетки должна быть горячей, насыщенной воздухом времени, динамикой гигантского труда, и качество этой литературы должно стоять на уровне деяний народа. В нашей самой новой и самой актуальной литературе должна быть достигнута полная гармония между высокой мыслью и совершенством раскрытия этой мысли в сильных художественных образах.

Отметив необходимость борьбы в литературе со всем, что мешает нашему обществу двигаться вперед, А. Сурков подчеркивает, что не меньшая, а явно большая обязанность советских писателей — показать человека в том, что принадлежит в нем завтрашнему дню. Надо зорче вглядываться в нашего современника, надо уметь видеть красоту его души.

Лучшие книги наших писателей показывают советского человека в минуты максимального подъема его духовных сил, когда он идет на смерть, на подвиг, защищая завоевания революции. Вот почему лучшие наши книги — это книги о гражданской и о Великой Отечественной войнах. Мы еще не умеем с такой же силой и с такой же яркостью, умом и глубиной рассказать о трудовых подвигах советского человека, более прозаических по внешности, но столь же глубоких и прекрасных, как подвиг воина, отдающего свою жизнь во имя народа. Это особенно важно помнить сейчас, когда мы назвали коммунизмом содержание нашей повседневной сегодняшней, завтрашней и послезавтрашней работы.

Совершенно прав был А. Твардовский, когда с трибуны партийного съезда говорил, что на предстоящем III съезде писателей должен быть нелицеприятный, хозяйский, без скидок и без заушательства разговор о качестве нашей литературы, ибо великому времени нужна и великая литература. Великому времени нужна литература, которая не пытается имитировать свою природу, не выдвигает псевдопублицистики взамен образного выражения явлений действительности, которая прямо смотрит в лицо жизни народа и умеет в этой жизни видеть главную силу исторического развития.

Говоря о серьезных и заметных сдвигах, происшедших в литературе последнего времени, оратор замечает: при явном оживлении все же складывается впечатление, что книги, созданные за четыре года, не несут на себе качества эталона, которые в свое время нес «Тихий Дон», или «Разгром», или «Поднятая целина». Придется, видимо, рассматривать в большом потоке литературных произведений какие-то отдельные черты нового, чтобы в совокупности их разглядеть направление, по которому будет дальше развиваться советская литература.

Нашим романам очень не хватает картин народного быта. Мы очень часто поверхностной публицистикой отговариваемся от своего незнания живой жизни человека—строителя коммунизма во всех ее деталях, во всех ее проявлениях. Об этом говорил Шолохов на II съезде писателей и на XX съезде партии. Некоторые из нас обиделись на Шолохова: показалось, что он резковат в своих суждениях. Но ведь мы почти ничего не сделали в этом отношении между II и III писательскими съездами. Совершенно справедливо упрекают Союз писателей за то, например, что Высшие литературные курсы превратились в учреждение, транспортирующее писателей с периферии в Москву. И погордиться тем, что кто-то из московских писателей отдал якорь в очень интересном и перспективном, с точки зрения коммунистического строительства, месте, мы не можем. Не поэтому ли у нас очень много пишут о «делах давно минувших дней»? Но человеку, который своими руками строит коммунизм, такие книги неинтересны, когда их слишком много и когда они скучны. Он хочет получить ответ на вопросы, которые его волнуют сегодня, каждый день и каждый час его жизни.

Идейная борьба не закончена, заключает А. Сурков. Об этой стороне дела нам не надо забывать. Нам нужна настоящая литература, большая, умная, целиком, до последнего дыхания преданная коммунизму, умеющая в жизни находить все то главное, из чего сегодня складывается наше коммунистическое будущее.

Взволнованно и страстно прошло партийное собрание московских писателей. Единодушно принятая резолюция выразила готовность писателей отдать все свои силы на выполнение задач, которые поставил перед нашим народом XXI съезд КПСС — съезд строителей коммунизма.

На партийном собрании московских писателей. На снимке (слева направо): С. Бабаевский, В. Журавлев, С. Кирсанов и Л. Соболев.

Фото А. ЛЯПИНА

Стихотворения Михаила Герасимова

Небольшая книжка в обложке стального отлива. Огненно-красным выделяются на ней контуры наковальни и молота, из-под которого брызжут раскаленные искры... Оформление книги, выпущенной недавно Куйбышевским книжным издательством, как бы возвращает нас к годам, когда писались эти произведения.

Стихотворения Михаила Герасимова, председателя первого объединения пролетарских писателей «Кузница», пользовались популярностью. Составители нового сборника, друзья и соратники Михаила Герасимова — поэты В. Казин и Г. Санников — отобрали из наследия писателя все, что сохраняет свою злободневность, дает представление о его дарании.

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

КОНЬКОВЕЖИЕ ПРО И КОНТРА

Шестнадцать раз разыгрывался чемпионат мира по конькам среди женщин. И всегда, когда наши спортсменки участвовали в этом состязании, они выигрывали. Так было и в конце февраля в Свердловске, хотя XVII чемпионат собрал очень сильный состав.

Инга Артамонова или Тамара Рылова? — вот что, собственно, стояло в повестке дня. Сумеет ли Артамонова взять реванш у Рыловой, которой она проиграла в Челябинске звание абсолютной чемпионки СССР?

«Закон чередования» на сей раз не подтвердился. Тамаре Рыловой вручили лавровый венок, а Артамонова взяла четвертой. Серебряную и бронзовую медали получили молодые уральские спортсменки — конструктор Верх-Исетского завода Валентина Стесина и студентка Челябинского пединститута Лидия Скобликова.

К сожалению, по-иному обстоят дела у наших мужчин. Их выступления в нынешнем сезоне были настолько неудачны, что зарубежные обозреватели начинают вопрошать — не приходит ли конец конькобежной гегемонии русских? Они напоминают, что на чемпионате Европы ни один из советских скороходов не попал в число призеров, а на чемпионате мира только Р. Ж[illegible]лову удалось выйти на третье [illegible].

О причинах поражений след[illegible] порасспросить тренеров сбор[illegible]рия «сбережения нервов», о [illegible] мы говорили в одном из прошлых [illegible]ений, привела, как видим, и п[illegible]ным результатам. В оранжереях [illegible]пионов не вырастишь. Не с[illegible] именно финны, выступавшие в [illegible] соревнованиях чуть ли не еженедельн[illegible] стали героями чемпионата мира.

Но дело не только в этом. Наша сборная слишком замкнута, оторвана от спортивной жизни страны. Ее тренеры, оберегая «железную обойму», видимо, и не знали о том, что в Иркутске кемеровский инженер С. Юринский проб[illegible]жал 10 000 метров за 16 мин. 57,1 [illegible], а В. Нечаев (Владивосток) — за 1[illegible] [illegible] 22 сек. Не будем утруждать [illegible] цифрами. Бесспорно, что у нас [illegible] талантливых скороходов, но — [illegible] — они не входят в «железную обойму» и, к сожалению, не могли скрестить оружие с признанными «асами».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ХОККЕЙНЫМ БИТВАМ

Послезавт[illegible] в Чехосл[illegible] начинается [illegible]пионат мира по хоккею. Г[illegible]ми претендентами считаются канад[illegible], чехи, шведы и советские хоккеисты. Исход борьбы представляется на сей раз туманнее, чем когда бы то ни было. Судить по товарищеским матчам [illegible] чемпионатом трудно. Шведские, чех[illegible], словацкие и советские хоккеисты [illegible]жды были чемпионами мира. И [illegible] они, разумеется, хотят и в [illegible] раз внести свои имена в [illegible] чемпионов. Но чехи, прочитавшие [illegible] одиннадцать лет назад на стадионе московского «Динамо» первую лекцию о шайбе, имеют на этот раз, пожалуй, наиболее благоприятные виды. За них будут и «родные стены», и зрители, что обычно расценивается как преимущество, по крайней мере, в две шайбы.

Таков пролог к ледовым сражениям. Каким будет эпилог, покажет будущее.

«ЮРЬЕВ ДЕНЬ»

В нашем футболе введен, как известно, своеобразный «Юрьев день». Раз в году после сезона футболисты могут переходить из команды в команду. Опасения некоторых деятелей, будто возобновление этого старого футбольного обычая поведет к массовым «перелетам», оказались несостоятельными. Переходов зарегистрировано немного. А польза от «Юрьева дня» может быть большой. Мы знаем немало случаев, когда футболист, долго прозябавший в одном коллективе, расцветал в другом.

Наступающий сезон, судя по наметкам, обещает принести, наконец, долгожданное упорядочение календаря. Нам не раз приходилось сетовать на то, что неудачно спланированные международные матчи сплошь и рядом мешали нормальному розыгрышу самого важного для нас соревнования — чемпионата страны. В нынешнем году все игры на первенство страны решено проводить по субботам и воскресеньям, а международные — в другие дни. Это и зрителям удобнее, и команды получат возможность вести нормальные тренировочные занятия. Если, конечно, добрые намерения будут осуществлены...

По-иному организуются сейчас комплектование и подготовка сборной. Специальный тренерский совет во главе с Б. Аркадьевым опубликовал недавно список кандидатов в сборную. В нем отсутствуют многие из старых знакомых, особенно среди защитников: появилась молодежь и совсем малоизвестные игроки из класса «Б». Первую попытку расширить базу сборной надо только приветствовать. Каждый из кандидатов в своих клубных командах будет играть на том же посту, что и в сборной.

Создание сборной — процесс трудный и длительный. Товарищеские матчи против команд Чехословакии, Болгарии, Австрии и Румынии, намеченные на этот год, позволят судить о результатах работы нового тренерского совета. Самое важное — добиться, чтобы сборная достигла своей лучшей формы к 27 сентября, когда состоится второй матч с венграми на кубок Европы.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

КНИГУ — НАРОДУ!

Один миллиард шестьсот миллионов книг должно быть выпущено в 1965 году — последнем году начавшейся семилетки. Трудно переоценить значение столь широкого размаха издательской деятельности, направленной на подъем культуры и удовлетворение все возрастающих духовных потребностей советского человека.

Нам нужно много хороших книг. Советский читатель взыскателен и требователен не только к писателям — инженерам человеческих душ, но и к издателям, от которых зависят своевременность выхода книг в свет, качество их оформления.

А работники книготорговли? Разве можно считать их деятельность соответствующей запросам читательских масс?

Книготорги, как правило, заинтересованы в распространении так называемой «ходовой» литературы; хорошая же книга подчас не доходит до читателя.

Статья писателя Г. Фиша «Бумага, типография, книга», напечатанная в «Литературной газете» 13 января с. г., затронувшая все эти вопросы, вызвала многочисленные отклики.

Два из них мы сегодня печатаем.

Объединить издательства и книготорговлю

В выполнении больших и важных задач семилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны большая роль принадлежит печати, в частности краевым и областным книгоиздательствам. Они обязаны значительно улучшить свою деятельность, работать оперативнее, выпускать книги и брошюры действительно массовые, такие, без которых нельзя обойтись.

Намного должна быть улучшена работа и книготорговых организаций. Но в существующей сейчас системе книгоиздательского и книготоргового дела есть существенные недостатки. Многие книги и брошюры выходят с большим опозданием, находятся в производстве непомерно длительное время; важные книги и брошюры, попадая в книготорговую сеть, медленно продвигаются к читателю.

Происходит это потому, что единый процесс разорван на три самостоятельные части: издательство — типография — Книготорг. И каждая из них работает над своеобразной «незавершенкой».

В то время как издательство планирует свою деятельность, исходя из актуальных задач политической и экономической жизни страны, типографии планируют свою работу прежде всего по «валу». Основным показателем оценки деятельности типографии является только выполнение финансового плана.

Такая же картина существует и в Книготорге. Планирование не по ассортименту, а по «валу» превратило эту очень важную идеологическую организацию в чисто коммерческую.

Ставропольское книжное издательство выпускает в год литературы более чем на 4 миллиона рублей. 25 процентов от этой суммы — свыше миллиона рублей — отчисляется Книготоргу. Кроме этого, издательство за свой счет должно доставлять продукцию на книготорговые склады. Книготорг в первую очередь заинтересован в «ходовой» литературе. Усилий и расходов для распространения подобной литературы нести не нужно, такие книги дают большой доход. Зато другие издания, хотя распространение их очень важно, вниманием Книготорга пользуются мало.

Поскольку о результатах деятельности Книготорга судят только по «валу», то и затрачивать усилия на продвижение таких книг и брошюр он не хочет, считая, что все равно на выполнение финансового плана заметного влияния они не окажут.

Такой чисто коммерческий подход книготоргов к распространению массовой, наиболее дешевой и, значит, «наименее выгодной» литературы отрицательно сказывается на работе местных издательств.

Заказы местных издательств на книги и брошюры обычно выполняют краевые или областные типографии. Прибыль, которую должна дать типография по финансовому плану, выражается у нас суммой в несколько сот тысяч рублей, а за книги издательство отчисляет лишь несколько десятков тысяч рублей. Следовательно, доля прибыли от книг ничтожно мала. А раз деятельность типографии оценивается по финансовым показателям, то вполне оправдано стремление типографии выпускать как можно больше «мелочной» продукции и как можно меньше книжной. Для типографии это выгодно еще и потому, что затраты труда на выпуск «мелочной» продукции в несколько раз меньше, чем книжной.

На мой взгляд, следовало бы создать в краях и областях единую хозрасчетную производственно-хозяйственную организацию — крайоблиздатторг.

Это положительно сказалось бы на издательском деле, на более быстром распространении книг, а заодно — на упрощении и удешевлении аппарата.

С. СТРАХОВ

СТАВРОПОЛЬ

Качество иллюстраций — не пустяк

Я хотел бы коснуться качества иллюстраций в наших научных, научно-популярных и учебных изданиях.

Фотографии в таких книгах имеют весьма важное значение. Хорошо выполненные, они надолго запоминаются. Воспроизведение фотографий ландшафта, растения, животного, машины должно быть предельно четким.

А что мы имеем в действительности? Репродукции в книгах часто настолько плохо выполнены, что если бы не подписи под рисунками, то трудно было бы сказать, что это — лев или собака. Так, например, в издательстве Московского университета вышла брошюра проф. Д. Г. Виленского «Почвы окской поймы». Приведенные в ней фотографии ландшафта и почв — это серые расплывчатые пятна, вызывающие досадное недоумение. А вот книга М. М. Туровцева и М. М. Меринова — «Почвы пойм Башкирской АССР», изданная в 1957 г. в Уфе. Приложенные к рукописи фотографии были выполнены хорошо, а в книге оказались слепые пятна.

Издательство Академии наук СССР, Сельхозгиз и другие издательства не уделяют должного внимания оформлению книг.

Если издатели будут уважать читателя, считаться с его интересами, тогда не придется разочаровываться и огорчаться за многие неряшливо изданные книги.

В. ШРАГ,
почвовед

МОСКВА

Мысли о воспитании

Вл. НЕМЦОВ

1. „Тихие девочки"

В заводском клубе часто устраивались танцы. Шла ли лекция о космической ракете или о моральном облике молодого человека, о борьбе с хулиганством, все равно,— перед началом и после того, как лекция закончится, девушки танцевали.

Две подруги, тихие, скромные девочки, лишь недавно расставшиеся со школьной партой, никогда не отказывали себе в удовольствии потанцевать и были в клубе постоянными посетительницами. Здесь они встречали почти всегда смазливой внешности танцора. Танцевать с ним избегали — он всегда нашептывал им на ухо что-то очень гнусное, от чего девушки бледнели...

Но на этот раз подруги не смогли побороть искушение пройтись с ним в танце и по очереди приняли приглашение. Пошляк остался верен себе: пользуясь безнаказанностью, он прошептал девушкам оскорбительные слова. Одна из подруг сделала вид, что не слышит их, другая выбежала из зала и расплакалась.

Равнодушно усмехнувшись, танцор стал искать новую партнершу. Вот она стоит у стены. Новенькая? Девушка ответила согласием, прошлись в танго один круг, другой, и вдруг на весь зал послышалась звонкая пощечина.

Хулиган не полез к обидчице с кулаками — могло быть и такое, — он лишь жалко улыбался и потирал покрасневшую щеку.

А его друзья петушились:

— Милицию надо позвать, — кричали они, — протокол составить, осудить гражданку за хулиганство. Ведь он ее пальцем не тронул, а она — лупит по физиономии!

Я не знаю, можно ли подвести под статью Уголовного кодекса поступок этой мне не известной, но глубоко симпатичной девушки, но думаю, что она права. Хулиганье распустилось. И в этом, очевидно, в какой-то степени виноваты и сами «тихие девочки».

Спросите любого работника милиции, где чаще всего происходят случаи хулиганства? — На танцплощадках, в танцзалах... Кем, в основном, заполняются эти места отдыха? — «Тихими девочками»! Это чаще всего школьницы, студентки, молодые работницы и служащие. Вот перед ними и стараются показывать свою удаль подвыпившие хулиганы. Пусть он дышит в лицо винным перегаром, пусть торчит изо рта папироса. Но танцевать «тихая девочка» будет все равно: мальчиков так мало!..

Кроме того, эта «тихая девочка» боится: попробуй, откажи! Такие парни жестоко мстят за малейшее ущемление своего «мужского достоинства».

А почему у этой школьницы не проснется свое, девичье достоинство? Зачем она постоянно ходит на танцплощадки, рискует быть оскорбленной, униженной?

Она привыкла. Она не может лишиться удовольствия. Ведь чуть ли не с самых первых классов в школе она обнимала подругу и всю перемену шаркала ногами. Музыки нет — неважно. Смею утверждать, что для некоторой категории молодых девушек танцы стали чем-то вроде алкоголя. Они забывают и книги, и театр, и спорт...

Несомненно, что в связи с перестройкой школы и ее политехнизацией легче будет вызвать иные, более благородные интересы у школьниц, зараженных танцевальной горячкой, но и сейчас это не может нас не беспокоить.

Я не сторонник крайних мер. Можно, конечно, ограничить деятельность всяких танцплощадок только субботними и праздничными вечерами. Можно категорически запретить школьницам посещать подобные места. Но дело не в этом.

Почему-то «тихие девочки» стесняются приходить на танцы с юношами, которых они хорошо знают, с которыми дружат. А ведь кто бы посмел их тогда оскорбить! Да и хулиганам на танцах делать было бы нечего: настоящие ребята их живо образумят.

Я хотел бы обратиться и к родителям:

— У вас есть дочь. Ей пятнадцать, восемнадцать, двадцать лет. Она тихая, очень застенчивая девочка. В музее она отворачивается от гипсового Аполлона. Когда смотрит в кино, как целуются, то смущенно опускает глаза. У нее почти нет близких друзей среди сверстников, но приходят часто подружки и тащат ее на танцплощадку. Вы не противоречите ей. А я порекомендовал бы вам — зайти посмотреть, что там делается.

Вы увидите, что за танцами наблюдает наряд милиции, как, скажем, в танцзале столичного парка культуры и отдыха. В гардеробе вас встретят огромные вывески: «За несданные вещи и деньги администрация не отвечает». Или: «За пропавшие пальто по утерянным номерам администрация не отвечает».

В каком театре, клубе, ресторане вы увидите подобные предупреждения, оскорбляющие ваше достоинство?

Кому не известно огромное облагораживающее влияние женщины в нашей мужской судьбе? Тысячи книг написаны об этом. Женская любовь или чистая девичья дружба вспоминаются, как лучшие страницы дней твоей юности...

Мы отказались от раздельного обучения. Мальчики стали мягче, сдержаннее, благороднее. А девочки? Мне говорили учителя: они стали еще лучше учиться.

Но не это волнует. Я думаю, смогла ли наша семья, школа, комсомол, мы, литераторы, работники искусств,— особенно кино и телевидения,— пробудить по-настоящему ту силу, что должна творить чудеса? Я не касаюсь всех возрастов и говорю лишь о девушках примерно от пятнадцати до двадцати лет. Это очень сложные переходные годы, когда формируется и женщина, и ее характер. Вот куда надо бы направить наше внимание.

С высокой трибуны партийного съезда говорилось о пьяницах, о недостойном их поведении. Известно, что тут не последнюю роль играют молодые ребята.

Однако далеко не всегда чувствуется высокое облагораживающее влияние девушки на ее сверстника. Почему не застревают у него в горле грязные слова? Почему он высокомерен, груб и дерзок в девичьем, ласковом и спокойном мирке? Неужели доброе слово, мягкое пожатие руки не образумят молодца, не удержат от дурного поступка? И в конце концов, неужели ему просто не стыдно? Ведь рядом с ним девушки.

Я вижу скептически улыбающиеся лица. Удивительная наивность! Взывает к совести? Да с этим парнем два милиционера еле справляются, а что девчонки могут сделать?

Могут! Я в этом твердо уверен. Надо воспитывать в каждой девушке чувство женской гордости, и тогда вокруг хулигана будет абсолютная пустота. Тогда ни одна девушка не подаст ему руки, не простит гнусной ругани, оскорбляющей женское достоинство, пьяных, осоловелых глаз, не покажется с ним ни на улице, ни в кино.

Как тут не вспомнить слова А. С. Макаренко о том, что «девушку надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым перцем». Как прав замечательный педагог! Именно такие девушки пользуются наибольшим уважением, и эту девичью гордость надо в них всемерно поддерживать.

Возникает естественный вопрос: чем объяснить, что далеко не во всех случаях «тихие девочки» вспоминают о своем женском достоинстве и не используют его как оружие, способное отразить любые атаки зарвавшихся пошляков?

Не раз мне приходилось встречаться с совершенно нелепым представлением у девушек, будто их слишком много, а ребят не хватает. Девушки ссылаются на войну. Нечего и доказывать всю абсурдность этого предположения.

А бытует это представление, скажем, у девочек в десятом классе, где мальчиков раз-два и обчелся,— остальные давно работают. Хорошие ребята на танцах бывают редко, по улицам не слоняются. У них есть технические или спортивные увлечения. Да и пока юношам не перевалило за двадцать, они чаще всего обходятся без девичьего общества.

Тут я опять хочу напомнить о мудром решении партии, связанном с перестройкой школы. Теперь уж девушки не останутся в одиночестве, будут работать вместе с товарищами в цехах и на полях. А в трудовом коллективе как нигде лучше развивается взаимоуважение, в полную силу заявляет о себе девичье достоинство, крепнет дружба, а подчас и рождается настоящая любовь.

Если помнят читатели, на страницах «Литературной газеты» я выступал с призывом резко разграничить возможности женского и мужского труда. Думаю, что этот вопрос уже теряет свою остроту. Через несколько лет мы не только освободим женщину от тяжелого труда, но и сократим рабочий день. Теперь встает новая проблема — **проблема разумного отдыха.**

Вот тут надо уничтожить все разграничения и постараться привлечь «тихих девочек» не только в школу танцев и на курсы кройки и шитья, а во все клубные кружки, где с таким азартом занимаются ребята. Радио, фото, кинолюбительство, кружок «умелых рук»...

И, несомненно, нужны комсомольско-молодежные клубы, хотя бы для того, чтобы покончить с ложным понятием о диспропорции, которое вселилось в умы многих девушек. Смотрите сами, сколько вокруг вас настоящих хороших ребят!

Однако будем откровенны: далеко не каждый из этих молодых ребят стремится создать семью. Причин тут множество — и материальные условия, и квартирные. А кроме того, если человек учится в институте и пока состоит на иждивении государства, пока он не вышел на самостоятельную жизненную дорогу, ему не всегда следует торопиться и перекладывать свои заботы на плечи дорогого существа. Это по-мужски, и это благородно.

Положение спорное, и я понимаю, что не все с ним согласятся. Можно произносить всякие громкие слова о пылкой любви, о том, что она побеждает все трудности, что «дорогое существо» не видит большего счастья, чем делить невзгоды с любимым.

Но вот я получил письмо от одной студентки. «Мне двадцать три года, и я уже скоро закончу институт. Никого еще не любила, но страшно боюсь остаться «старой девой». Почему мальчики так над нами издеваются? И я, и мои близкие подруги миловидны, общительны, веселы, а нами пренебрегают. Мне кажется, что если к пятому курсу останется все по-старому, то я выйду замуж за любого. Мне все равно».

Письмо было длинное, из него я понял, что девушка не стремится остаться в городе, не жаждет каких-то особых материальных благ, и это не буйство молодой горячей крови. Она обижена, оскорблена. Так получилось, что ей с детства вдалбливали в голову, что все девушки мира только и стремятся к тому, чтобы удачнее выйти замуж. Она слышала это от родителей, которые стремились устроить ее в какой-нибудь институт, считая, что таким образом дочка будет ближе к заветной цели. К пятнадцати годам она просмотрела множество западных фильмов, в которых только и рассказывается, как девушки, преодолевая все препятствия, наконец-то обретают себе мужа.

Разве это не то самое буржуазное влияние на молодежь, о котором говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде нашей партии? Он напомнил нам, что «некоторые работники недооценивают вред буржуазных влияний на советскую молодежь, считая, что буржуазия от нас далеко и ей недоступна наша молодежь. Но это — заблуждение. Мы не можем игнорировать возможность буржуазного влияния и обязаны вести борьбу против него, против проникновения в среду советских людей и особенно в среду молодежи чуждых взглядов и нравов».

Примеров тому можно привести достаточно. Разве обилие шпионских и уголовных детективов, скроенных ремесленниками по образу и подобию буржуазного чтива, не принесло вреда нашим ребятам? Ведь они бредили этой макулатурой и ничего больше не хотели читать.

Но не меньший вред нашей молодежи приносит пропаганда пошлости в кино, вроде погони за женихами, ну, скажем, в фильме «Жених для Лауры». Сколько девушек просмотрело картины, где идеализируется мещанское счастье! Эти фильмы закупаются нами и беспрестанно показываются на экранах кино и телевидения. Ведь даже в самой пустой комедии, над которой мы, взрослые, только смеемся, девочки ищут жизненный смысл, черпают опыт, а подчас видят и пример для подражания.

Надо помнить, что по степени своего воздействия на психику, особенно детскую, кино и телевидение нельзя сравнить с книгой. Это—зрелище, оно обладает огромной впечатляющей силой. И не случайно такой знаток детской души, как А. С. Макаренко, рекомендовал пускать ребят в кино не чаще двух раз в месяц.

Здесь есть над чем призадуматься. Но об этом в следующий раз.

НАВСТРЕЧУ III ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Реализм и героика

Е. ДОБИН

РАЗДАВАЛИСЬ когда-то в советском литературоведении голоса, связывавшие возникновение искусства социалистического реализма с рубежом 20-х и 30-х годов, с вступлением нашей страны в период социализма. Эта прямолинейно-упрощенная точка зрения («социалистическая действительность — социалистическое искусство») давно оставлена. С выступлением на арену истории партии нового типа, большевистской партии, возглавляющей массы в штурме старого мира, и рождается искусство социалистического реализма. Набатный голос «Мещан», «Матери», «Врагов» возвещает начало новой эпохи искусства.

Но проходит добрых два десятка лет, пока теоретическое самоопределение нового искусства дозревает до формулы: «социалистический реализм». Слова эти, без сомнения, равнозначны манифесту. Мы знаем, что термин «социалистический реализм» не возник во время встречи писателей с И. В. Сталиным на квартире А. М. Горького. Он мелькнул на страницах «Литературной газеты» еще летом 1932 года.

Слово носилось в воздухе.

Почему же оно родилось в 1932 году? Случайна ли эта дата?

Мы думаем, что не случайна. И установление закономерности его появления бросает свет на важную и принципиальную особенность нашего искусства.

В течение 20-х годов, когда одно за другим появлялись произведения, вошедшие в золотой фонд советской литературы, почти не делалось попыток найти идейно-художественное определение новому искусству (термин «пролетарская литература» отмечал только его идейные, классовые позиции). А ведь такие названия, как «романтизм», «натуральная школа», «импрессионизм», были в свое время и программами, и художественными платформами, и хартиями стилевых принципов.

Если не ошибаюсь, Ф. Гладковым была брошена формула: «динамический реализм». Предлагались и другие формулы. Но они не нашли отклика и никем не были подхвачены. Определение «социалистический реализм» было принято советскими писателями и художниками с поразительным единодушием. Оно мгновенно стало словом-знаменем, боевым документом, стягом нашего искусства. Для этого были глубокие причины.

В 20-х годах на арене литературы, театра, живописи, велись страстные споры о направлениях советского искусства. Но (это может показаться удивительным современному читателю) предметом едва ли не самых ожесточенных схваток был вопрос о том, можно ли изображать психологию классового врага. Я помню, как на пленуме РАПП осенью 1929 года одним из критиков левацкого пошиба именно за изображение психологии классового врага М. Шолохов был объявлен «полукулацким писателем» и отлучен от пролетарской литературы. Нетрудно сейчас усмотреть во всем этом незрелость тогдашней теоретической мысли. Один из докладов Ю. Либединского того времени назывался: «Учеба, творчество и самокритика». Самый заголовок говорит о начальной фазе теоретического осмысливания литературной практики.

Но ведь в это время уже появились замечательные произведения, составившие эпоху в развитии советского и мирового искусства: «Железный поток» и «Чапаев», «Броненосец «Потемкин» и «Разгром», «Мать» Пудовкина и первая часть «Тихого Дона». Тут мы наталкиваемся на чрезвычайно важный момент, характеризующий состояние тогдашнего советского искусства. Были не только субъективные, но и объективные причины, почему теоретическая мысль тех лет не поднялась до единого обобщающего определения сущности советского искусства.

Произведения, ознаменовавшие самые крупные победы советского искусства (не только перечисленные выше, но и «Неделя», и «Виринея», и «Бруски»; «Любовь Яровая», «Шторм», «Бронепоезд 14-69» и «Первая Конная» — в театре; «Конец Санкт-Петербурга», «Звенигора», «Арсенал» — в кино), были посвящены революционному прошлому. Пусть даже совсем недавнему, времени Октябрьской революции, гражданской войны, — все же прошлому. Мы вовсе не хотим бросить тень на эти произведения. В период нэпа со всеми его противоречиями революционная тема — ведущая и определяющая тема нового искусства — черпала свое вдохновение главным образом в событиях и образах гражданской войны, октябрьского переворота, большевистского подполья.

А тема сегодняшнего дня? Только «Цемент» Ф. Гладкова выбился в первом ряду литературы. Идейный пафос «Цемента», пронизывающая роман революционная патетика ставила это произведение в один ряд с «Разгромом» и «Тихим Доном». Но «Цемент» стоял особняком. В ряде нашумевших тогда произведений о текущем дне революции («Жизнь и гибель Николая Курбова», «Рвач», «В Проточном переулке» И. Эренбурга, «Вор» Л. Леонова, «Трансвааль» К. Федина), при всем пафосе ненависти к ожившим мещанству и торгашам, стихия нэпа, казалось, торжествовала, захлестывая все и вся. Кулак Сваакер процветал, а революционеры-подвижники, вроде Курбова, гибли. Современность изображалась вне революционной перспективы. Темные краски преобладали.

И вот на смену нэпу приходит первая пятилетка. Победоносно развертывается социалистическое наступление. Кулачеству и нэпманам приходит конец. И на первый план выдвигается тема сегодняшнего дня. «Цемент» находит ряд продолжателей. Грандиозные коллективные усилия народа, энтузиазм стройки, великое трудовое напряжение, чудо созидания получают свое художественное воплощение. Появляются «Земля» А. Довженко (1929), «Соть» Л. Леонова (1930), «Гидроцентраль» М. Шагинян (1931), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «Поднятая целина» М. Шолохова (1932), «Кара-Бугаз» К. Паустовского (1932). В эти годы Я. Ильин пишет «Большой конвейер». Меняются облик, «топография», физиономия литературы. Тема сегодняшнего дня становится ведущей и определяющей.

Рембрандт любил иногда освещать людей одновременно с разных сторон («Ночной дозор»), и образы становились необыкновенно рельефными. Сопоставление нового ряда, нового потока литературы и недавней литературы 20-х годов с необычайной отчетливостью бросило свет на сущность нашего искусства. Героизм самозабвенной борьбы с бесчисленными врагами революции слился с героизмом труда, созидания, строительства.

Героика сегодняшнего дня выступила как прямое продолжение героики вчерашнего. Выпукло обозначилась единая сущность нашего искусства, его важнейшие отличительные особенности.

Из этого вовсе не следует, что эпоха 20-х годов выпадала из общего потока. Предпосылки для стремительного броска вперед в годы первой пятилетки, для вступления в период социализма создавались именно в 20-е годы. Поэтому так велико историческое значение «Цемента». В самом начале восстановительного периода Ф. Гладков сумел уловить тот пафос созидания, то горячее дыхание стройки, которое прозвучало потом с таким подъемом в произведениях 30-х годов. Все это не должно затемнить качественного различия двух периодов — периода нэпа и периода первой пятилетки. К концу ее, к 1932 году, творческая, созидательная мощь социализма определилась с необыкновенной силой и ясностью. Советская литература чутко подхватила и отразила новые черты социалистической действительности.

Отчетливо протянулась нить, связывавшая Павла Власова и Ниловну, Левинсона и Кожуха с Давыдовым, с ударниками социалистической стройки. Органическое переплетение темы сегодняшнего дня с революционной героикой, масштабностью, пафосом и дало толчок для создания крылатого термина — программы.

Тогда-то вошли в обиход литературной теории и критики слова Ленина из знаменитой статьи «Великий почин» о «героизме массовой и *будничной* работы». Стало ясным, как исключительно важны эти слова для понимания глубочайшей сущности нашего духа в нашей действительности, в нашего искусства.

«Мы отказались от гаразд в пользу масс». Этот афоризм обронил небезызвестный в свое время французский критик Вогюэ. Противопоставление «герой — масса» проходит красной нитью через все искусство капиталистической эпохи. Реализм изображает массового человека (и в этом его величайшая заслуга), но, как правило, теряет героическую тему. «Дух героизма исчез; настал век жизни действительной», — писал Белинский («О русской повести и повестях Гоголя»). И поэтому литература, «оставив в покое героев», обратилась «к толпе и к будничной жизни» (статья о «Петербургском сборнике»).

Золя утверждал, что когда метод Бальзака (т. е. реализм. — Е. Д.) начал царить, «герои отходили на задний план перед реальными созданиями художников...» Культивировала героя романтическая школа. Но это был герой-одиночка, исключительная личность, противопоставленная толпе, массе, будничной жизни. Золя и, в особенности, Вогюэ считали отказ реализма от героики явлением вполне естественным, потому что они стояли на почве существующего общественного строя и не помышляли о возможностях его изменения. Стоявший в преддверии новой эпохи Короленко с душевной болью констатирует ненормальность создавшегося раздвоения: романтизм лишает героизма массу, реализм отрицает вовсе героизм («Дневник»).

Почему мы привели эти высказывания? Потому что в их свете ясно видно, что антитеза «герой — масса» (равно как и антитеза «героика — будни») исчезает в искусстве социалистического реализма. Нельзя не видеть в этом одну из самых характерных стилевых особенностей искусства социалистического реализма. И это с полной ясностью определилось тогда, когда в теме сегодняшнего дня наглядно, ярко и вдохновенно воплотились героика масс и героика будней — как отражение самой жизни. Тема сегодняшнего дня выступила в роли, если можно так выразиться, «демиурга» новой мировой эпохи искусства. Она продемонстрировала свою ведущую роль в процессе развития литературы, определив ее теоретическое осознание и осмысливание.

В статье «Героический театр» (1921 г.) М. Шагинян спрашивала: «Перед нами задача создания героического театра. Даст ли нам для него материал современность?» Ответ был отрицательный: «Не думаю. Мы видим действительность рядом с нами, руки ее у нас на плечах, и герой современности для нас все еще сосед, такой же человек, как Иван Иванович». Ошибочность этого ответа ясна сейчас и школьнику. Но нельзя забывать, что вопрос, остро сформулированный М. Шагинян, был действительно труднейшим вопросом, стоявшим перед реалистическим искусством XIX и XX веков. Лев Толстой ведь тоже говорил Горькому: «Герои — ложь, выдумка, есть просто люди, люди и—больше ничего». Может ли «сосед, такой же человек, как Иван Иванович», стать «героем современности»? На этот вопрос дала ответ — новый ответ— не эстетика, не критика, не теория литературы, а история. Величайший революционный переворот в истории человечества обусловил переворот и в реалистическом искусстве.

«Чтоб осознать героизм происходящего, нужно отдаление во времени»,—писала М. Шагинян в той же статье.

Весь опыт советской литературы (в том числе и творчество самой М. Шагинян) убедительно опроверг это положение. На вопрос М. Шагинян советская литература отвечала утвердительно каждым своим шагом. Да, «действительность рядом с нами, руки ее у нас на плечах». И в этом благотворная, движущая сила нашего искусства. Да, героем ее стал «сосед, Иван Иванович», — Мересьевы и Берженцевы, Мартыновы и Лобановы, Журбины и Соколовы. В этом ее сила, богатство, гордость. И этим вписана новая блестящая глава в мировое искусство.

Рис. Г. ИНГЕРА

Шолом-Алейхем

(100-летие со дня рождения)

КОГДА в 1910 году А. М. Горький прочитал повесть Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл», он написал автору: «чудесная книга!.. Вся она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу...»

Любовь к народу — основная особенность реализма великого еврейского писателя, равно как «печальный и сердечный юмор», от которого Горький, по его словам, плакал и смеялся.

Необычайно широко познавательное значение творчества Шолом-Алейхема. В новеллах, романах, пьесах писателя с удивительной силой показан целый народ с его многообразными типами, бытом, языком, фольклором, мудростью, трагической борьбой за существование, несгибаемым оптимизмом... Это подлинная художественная история русских евреев, живших в тяжких условиях царского произвола.

Ни одна деталь народного быта, ни один звук склонной к грустной, добродушной шутке народной речи не ускользали от внимательного художника. Все это, вместе взятое, питало его «славную, добротную и мудрую любовь к народу» и обогащало его виртуозное мастерство.

Шолом-Алейхем воспроизвел в своих произведениях ломку, распад патриархального быта еврейского местечка на фоне капиталистического развития России конца XIX века, на фоне обнищания широких еврейских масс, вынужденного переселения их в капиталистические города России и Америки...

Еврейская буржуазия презрительно относилась к литературе, а беднота не могла оказать писателям материальной поддержки. «Еврейского писателя, — жаловался Шолом-Алейхем, — даже самого популярного, ждет могила за счет общества. Проработав четверть века среди своего народа, нельзя не прийти к такому выводу». Показательно, как в дни 25-летнего юбилея Шолом-Алейхема популярная тогда газета «Одесские новости» писала о больном юбиляре, находившемся в сетях нужды и лишений: «В любых условиях иного социального уклада подобное дарование было бы обращено в национальное достояние, а суровая действительность превратила наиболее народного, наиболее популярного из художников еврейского народа в инвалида, не ведающего, где ему преклонить усталую голову».

Два географических пункта определяют творчество Шолом-Алейхема. Это Касриловка (обозначение местечек) и Егупец (символ большого капиталистического города). Касриловка и Егупец соотносятся у Шолом-Алейхема, примерно, как Миргород и Петербург у Гоголя.

В образах Тевье-молочника и Менахем-Мендэля Шолом-Алейхем запечатлел две народные категории. Тевье-молочник — это воплощение тех народных навыков и воззрений, которые исторически сложились в патриархальных гнездах «черты оседлости». Тевье — живой носитель фольклора, народного юмора, ласковой шутки и доброжелательства к молодежи и ее новым стремлениям в период революции 1905 года и расцвета русской демократической литературы.

Образ Тевье-молочника глубоко трагичен. Еще черта — и он был бы схож с королем Лиром, с отцом Горио. Под конец жизни Тевье-молочник тоже почти одинок. Умирает жена. Дочери уходят от него — кто к мужу, кто следует за революционером мужем в каторжную Сибирь и т. д. Наконец, царские чиновники на основе пресловутого закона правожительства изгоняют Тевье из родной деревни.

Тевье не только стойко переносит свои страдания, он излучает на всех ищущих новую жизнь свою удивительную доброту. Он тянется к «новым людям» в той же мере постоянно и настойчиво, в какой резко отворачивается от всех, кто не живет трудовой жизнью. Это сказывается в его презрительном отношении к богачам, к своему зятю-богачу.

Сам Шолом-Алейхем держался таких же демократических взглядов. Припомним его сатирическое изображение «американского образа жизни» («Блуждающие звезды», «Мальчик Мотл»).

В ином плане дан другой центральный образ Шолом-Алейхема — Менахем-Мендэль. Этот человек обретается уже не в местечке, а показан в сутолоке большого капиталистического города. Эта фигура еще более достопамятна. Трагикомична его жажда богатства и могущества. Но Менахем-Мендэль — смешной восторженный человек — приятнее своей жены с ее тягой к «бывальщине предков», к старой Касриловке, куда она зовет своего мужа. Менахем-Мендэль, однако, не сдается. Пути к прошлому для него отрезаны.

Шолом-Алейхем показал, что еврейские народные массы хранят в себе неукротимые стремления к здоровой трудовой жизни, что им в одинаковой степени ненавистны как «свои», так и чужие эксплуататоры. Эти люди были ненавистны и самому писателю, он гневно разоблачал их.

Творчество Шолом-Алейхема свидетельствует о том, сколь близки и органичны для еврейского народа идеи гуманности и братства народов.

Прогрессивные взгляды Шолом-Алейхема подсказали ему глубокую веру, в то, что возрождение родного ему народа будет связано с победой русской революции. Всем нам дорого имя Шолом-Алейхема, писателя, стоявшего за идеи прогресса, мира и дружбы народов. И не только нам, советским людям, — недаром 100-летие со дня рождения Шолом-Алейхема Всемирный Совет Мира постановил отметить как праздник мировой культуры.

Нигде в мире произведения Шолом-Алейхема не приобрели такой популярности, как в нашей социалистической стране, где они издаются большими тиражами (вот и сейчас Гослитиздат начинает массовое издание его сочинений), где он стал одним из любимых писателей советского народа.

Бор. ВАЛЬБЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Писатели — бригадам коммунистического труда. Около ста литераторов Грузии берут шефство над бригадами коммунистического труда. На заводах, фабриках, в колхозах будут работать постоянные группы писателей. Среди руководителей групп — С. Чиковани, Г. Абашидзе, К. Каладзе, Р. Маргиани, К. Лордкипанидзе, Х. Берулава, М. Мревлишвили и другие. На ряде предприятий Тбилиси с помощью литераторов организуются читательские конференции, литературные вечера, выпускаются стенные газеты. Правление Союза писателей Грузии решило в ближайшее время издать сборник рассказов, очерков и стихотворений о советской молодежи.

* * *

Ряд очерков и статей о бригадах коммунистического труда опубликован в иркутском альманахе «Ангара»: «Тадей Булий и его товарищи» В. Тычинина; Л. Огневского — о колхозной бригаде коммунистического труда и другие. В Иркутске готовится к печати сборник очерков, стихов и рассказов «В бригадах коммунистического труда».

«Литературная Армения». В культурной жизни Армянской ССР произошло знаменательное событие: начал выходить новый русский литературно-художественный и общественно-политический журнал «Литературная Армения» — орган Союза писателей республики. В обращении к читателям, которым открывается первый номер журнала, редакция указывает: «Освещать на своих страницах жизнь Советской Армении, показывать успехи армянской литературы, борющейся за создание произведений, достойных нашей великой эпохи,— такова основная задача журнала «Литературная Армения».

В напечатанном здесь же приветствии секретариата правления Союза писателей СССР говорится: «Мы уверены, что журнал внесет свой вклад в дело укрепления тесной связи нашей художественной литературы с жизнью народа, будет содействовать дальнейшему развитию давней и тесной дружбы русской и армянской литератур».

Новое отделение Союза писателей Украины. В марте 1959 года состоится Четвертый съезд писателей Украины. В преддверии съезда в Херсоне было проведено учредительное собрание литераторов Херсонской и Николаевской областей. С докладом о задачах советской литературы в свете решений XXI съезда КПСС выступил Олесь Гончар. Избрано бюро отделения новой писательской организации.

Встречи на стройках семилетки. Молодые литераторы Вильнюса проводят встречи со своими читателями на предприятиях и стройках семилетки. В Каунасе в День писателя участники Третьего съезда писателей Литвы рассказывали о задачах литературы в семилетии, читали стихи, давали автографы, отвечали на вопросы читателей.

Сборник воспоминаний о Неверове. Куйбышевское книжное издательство выпустило четырехтомное собрание сочинений Александра Неверова. В связи с подготовкой сборника воспоминаний о писателе, редакция областной газеты «Волжская коммуна», Куйбышевское отделение Союза писателей и Куйбышевское книжное издательство обратились ко всем лицам, знавшим Александра Сергеевича Неверова-Скобелева, с просьбой прислать воспоминания о нем, а также рукописи, переписку, фотографии, связанные с жизнью и творчеством писателя.

ВЕЧЕР В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Вчера исполнилось сто лет со дня рождения Шолом-Алейхема. Эта дата была отмечена в Москве в Колонном зале Дома союзов торжественным вечером, организованным правлением Союза писателей СССР, Советским комитетом защиты мира и Министерством культуры СССР. Вечер открыл Борис Полевой; вступительное слово о жизни и творчестве Шолом-Алейхема произнес Вс. Иванов. Вечер закончился большим концертом.

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина организована выставка книг Шолом-Алейхема. Министерство связи СССР выпустило марку с портретом писателя.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ИНТЕРЕСНЫЙ ОЧЕРК

В ПЕРВОЙ книжке «Нового мира» напечатана подборка публицистических писательских выступлений. Они посвящены тому, чем живет сейчас весь наш народ, — великому семилетнему плану, нашим думам о завтрашнем дне. Подборка открывается очерком Эм. Казакевича «В столице Черной Металлургии». Об этом очерке, как об особенно приметной удаче отдела публицистики «Нового мира», и хочется сказать несколько слов.

Эм. Казакевич пишет: «Моя милая родина! Ей под силу великие свершения. Ее сыновья и дочери способны на бессмертные подвиги труда и самоотречения. Их сильные руки и светлые головы, их радости и страдания — источник вдохновения на многие века».

На очерк, о котором идет речь, писателя вдохновили руки и светлые головы строителей Магнитки, тех, кто ныне живет и трудится в Магнитогорске — столице черной металлургии.

Казакевич вспоминает, как трудно мы создавали нашу индустрию. Он приводит факты из истории строительства Магнитогорского металлургического комбината. Строители недоедали, недосыпали, терпели издевки некоторых американских спецов, к которым они пошли на выучку, «чтобы затем превзойти своих учителей». Писатель рассказывает и о тех иностранных специалистах, у которых неверие в наши силы со временем сменилось удивлением и даже восторгом. Так, инженер Джон Геррис говорил: «Я счастлив тем, что на мою долю выпала честь участвовать в постройке этого грандиозного предприятия».

Эм. Казакевич вспоминает имена людей, совершивших на стройке подлинные трудовые подвиги: плотника Козлова, прораба Анкудинова, машиниста турбины Смирнову, юную комсомолку, о которой в памяти старожилов города остались лишь красный платочек да звонкое имя — Зоя... «Я не нашел ее следов,— пишет Казакевич.— Может быть, она уехала и живет теперь где-нибудь скромной и тихой труженицей, матерью семейства. Где бы она ни жила, пусть ей сопутствует счастье, любовь окружающих, сознание своего скромного величия».

Этим пожеланием счастья и добра простым труженикам проникнут весь очерк — и те его строки, которые говорят о первых строителях Магнитки, и те, где речь идет о людях, расширивших, достроивших комбинат, сделавших его сегодня одним из величайших индустриальных гигантов мира. Обращаясь к коллегам-писателям, Э. Казакевич говорит: «Грандиозность заводского пейзажа пусть не подавляет вас — пусть она только преисполнит вашу душу уважением к рабочему человеку, создавшему такой завод и научившемуся так работать».

Э. Казакевичу удалось передать то состояние творческой активности, в которое его привело живое общение со «столицей черной металлургии» и ее простыми тружениками. Напоминая о плодотворности такого общения, писатель сделал полезное дело. Особенно — для литературной молодежи. Ей не следует проходить мимо искреннего сожаления автора очерка о том, что в свое время судьба не привела его в Магнитку. «То, что я собираюсь теперь писать,— признается Казакевич,— далось бы мне гораздо легче. Подробности быта, глубины психологии, сложность столкновений, кипение страстей были бы ощутимее для меня, чем теперь. И я думаю о более молодых литераторах, которым сейчас надо, пока они молоды, пить полными горстями живую жизнь современных новостроек, целинных земель, предприятий, чтобы впоследствии горько не пожалеть о своей былой близорукости и непоправимом легкомыслии».

Наконец, очерк Казакевича полезен и тем, что писатель призывает воскресить замысел Горького о создании книг, посвященных великим стройкам наших дней, нашим героическим свершениям, книг, которые не умаляли бы эпического величия и не утаивали бы трудностей и потерь.

ЛИТЕРАТОР

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

Беречь русский язык

СТАТЬЯ А. Югова «Эпоха и языковой «пятачок», напечатанная в нашей газете (№№ 7 и 8, 1959 г.), вызвала многочисленные и взволнованные отклики читателей. Пишут филологи, писатели, рабочие, врачи, учителя, инженеры.

Стремление читателя вмешаться в споры литераторов о языке показывает, что А. Югов своим выступлением заставил задуматься над решением жизненно важных вопросов дальнейшего развития русского языка.

«Прав ли А. Югов, бьющий тревогу?» — спрашивает **Г. Клюшин** (Запорожье) и тут же отвечает: «К сожалению, глубоко прав». Автор письма пишет, что «некоторые лексикографы— любители «ученых» словечек, особенно иностранных, ведут борьбу против проникновения в литературу слов живого разговорного языка».

А. Жерновкова (г. Воскресенск, Московской области), соглашаясь в основном с А. Юговым, утверждает: «Слово, рожденное народом в процессе его трудовой деятельности, ярко и полно выражающее определенный элемент трудового процесса или переживания человека, будет жить до тех пор, пока не отомрет материальная основа этого слова». Этим автор письма вступает в спор с воззрением на этот вопрос А. Югова, который, напротив, призывал не торопиться с погребением слов, ибо многие из них надолго переживут свое предметное соответствие.

В. Велан (Сталинабад) выражает сожаление по поводу того, что многие хорошие слова были изгнаны из нашего словаря. «Но звать теперь к их искусственному насаждению, — замечает он, — бесполезно».

Учительница истории из Никополя **И. Захваткина** считает, что А. Югов сузил задачу борьбы за глубину и мощь русского языка, так как требует простора якобы только для писателей, не замечая того, что на «пятачок» отесняются и школьные учителя, и учащиеся, и ученые-историки.

Писательница **К. Рождественская** (Пермь) пишет: «В практике редактирования перед литераторами нередко воздвигаются нелепые препятствия. В качестве неопровержимого довода запретители, как справедливо замечает А. Югов, ссылаются на какой-либо словарь».

Некоторые из авторов считают, что А. Югов, выступая против ограничительных помет в словарях, не учитывает другой крайности — узаконенного засорения русского языка жаргонными словечками. Так, **Т. Скаловская** (Москва) спрашивает: «Зачем понадобилось составителям «Орфографического словаря русского языка» (ред. С. И. Ожегов и А. Б. Шапиро) засорять словарь такими словами, как «хахаль», «халда», «слямзить», «стибрить», «стерва», «сволочь»? Зачем же проявлять такую нежную заботу о том, чтобы в воровскую записку не вкралась орфографическая ошибка?»

Заслуженный врач РСФСР **Казаров** (Махачкала) считает, что рассадником варваризмов являются не столько лексикографы, сколько авторы иных статей и редакционные работники газет и журналов. «Такие слова, как «эпохальный», «конструктивный», «позитивный», «негативный», «декларативный» и многие другие, — заявляет он, — проникают в живую речь не через словарь, а через газету и журнал».

Большинство читателей, откликнувшихся на статью «Эпоха и языковой «пятачок», расценивают ее как своевременный призыв к борьбе за чистоту русского языка.

Однако некоторые из авторов писем оспаривают положения статьи А. Югова. Доцент Ленинградского университета **М. Привалова** утверждает, что А. Югов смешивает понятие общенационального литературного языка, который непременно и обязательно должен быть нормативным, и понятие языка художественной литературы, где отношение к норме может быть более или менее свободным.

Инженер **Каминский** (Ташкент) пишет: «От захламления языка, как от всякого хлама вообще, надо избавляться». Но тут же выражает несогласие с А. Юговым, предостерегающим писателей от злоупотребления иноязычными словами. Вопреки подавляющему большинству читательских откликов, поддержавших А. Югова по этому вопросу, Каминский утверждает: «Для меня все употребительные слова являются русскими».

Вряд ли можно согласиться со старшим преподавателем Одесского университета **Н. Рудяковым**. Он счел ошибочным утверждение А. Югова, будто наших писателей и поэтов теснят на языковой «пятачок», и в языковой безвкусице обвинил самих литераторов. Они-де в погоне за рифмой или по небрежности пишут плохо и таким образом прививают читателям дурные вкусы.

Другие читатели, очевидно, неверно поняли требование А. Югова ограничить употребление иноязычных слов в русской речи, вследствие чего и взяли под защиту те слова, против гражданства которых он не возражает («телефон», «радио», «мотор», «тротуар» и другие, давно прижившиеся в нашем языке). Разумеется, что А. Югов не воюет против «галош» в пользу «мокроступов», не стремится к «вокняжению» мертворожденного «небозема».

Ряд читателей, дополняя статью А. Югова новыми убедительными примерами оскудения литературной речи, выражает уверенность, что в столь ответственном деле, как словарь русского языка, будет покончено с «диктатурой» вкусовщины, с необоснованным запретительством.

Драматург **Степан Лунин** (Москва), разделяя негодование автора статьи по поводу исключения из словаря Даля 135 тысяч слов, утверждает, что это равносильно тому, как если бы кто-либо предложил не расширение сети наших путей — железнодорожных, водных и воздушных, а сокращение. «Разумеется, — пишет С. Лунин, — великие наши писатели — они и великие хранители русского языка. Имена Ломоносова и Радищева, Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Тургенева, Белинского и Льва Толстого, Чехова и Горького, Маяковского и Шолохова, Леонова и Федина и других творцов чудесного русского языка служат нам верным залогом того, что ничьи покушения на русский язык не будут иметь успеха».

Рабочий **Петр Малых** (из Кемеровской области), соглашаясь с автором статьи в том, что язык народа богаче любого писательского словаря, выражает глубокое недовольство тем, что радиовещание слишком уж засорено «ненужной иностранщиной». В своем письме он обращается к писателям с призывом беречь язык великого народа.

Доцент Ленинградского университета **Г. Нефедов**, поддерживая воззрения А. Югова на язык, на соотношение устной народной и литературной речи, высказывает уверенность, что это лишь начало «большого разговора о языке, о словарях».

Иные из откликов на статью «Эпоха и языковой «пятачок» представляют собой целые трактаты. Само собой разумеется, что нет возможности даже в самом кратком пересказе исчерпать их содержание. Но один из таких обширных откликов заслуживает особого упоминания. **И. Бывшев** (Москва), как видно, человек, отдавший много лет труда лексикографии, разделяя взгляды А. Югова, приводит множество примеров, когда наши словари русского языка неверно поясняют слова.

Отрадно отметить в этом кратком обзоре, что в письмах проявляется большая любовь к родному языку, искреннее желание помочь писателям сохранить и приумножить его богатства.

Проект памятника Физули

Закончился конкурс на лучший проект памятника классику азербайджанской поэзии Мухаммеду Физули, объявленный в связи с 400-летием со дня его смерти. Первую премию жюри присудило скульпторам Т. Мамедову, О. Эльдарову и архитектору Г. Мухтарову.

По их проекту памятник состоит из гранитного пьедестала, на котором установлена пятиметровая бронзовая фигура поэта. Физули — с книгой в руке в глубоком раздумье. На пьедестале изображены герои его бессмертной поэмы «Лейли и Меджнун» и пальма — символ чистой любви.

Памятник будет монументальным сооружением. Его общая высота — около одиннадцати метров.

ВАКУ. (Наш корр.)

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приношу сердечную благодарность научным учреждениям, общественным организациям и всем товарищам, поздравившим меня по случаю моего юбилея.

И. АНИСИМОВ

Последние дни кровавой диктатуры ознаменовались усилением террора. В конце декабря, буквально накануне бегства Батисты, его авиация подвергла варварской бомбардировке город Санта-Клара.

Этот факельщик с привычным видом позирует перед фотообъективом рядом со своей жертвой — сжигаемым заживо человеком.

В конце прошлого года в горах Сьерра-Кристаль попала в плен группа бойцов Сопротивления. По приказу полковника Кауэли, ныне представшего перед судом, патриоты были убиты, а их тела разбросаны по улицам города Ольгин.

Еще одна жертва бесчеловечного террора, еще одно обвинение против палачей Батисты и их лицемерных американских «защитников».

МЕРТВЫЕ ОБВИНЯЮТ!

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КЛИКИ БАТИСТЫ И ЕЕ ЗАЩИТНИКИ

НАД истерзанной палачами Батисты и разграбленной американскими монополиями землей Кубы занялась заря свободы и национальной независимости. Кубинский народ сверг многолетний кровавый режим Фульхенсио Батисты, этого ставленника «сахарных королей» США, и призвал к суровому ответу сатрапов, запятнавших себя чудовищными злодеяниями.

Враги народа предстали перед судом, и наиболее отъявленные преступники были приговорены к казни. Вместе с кубинским народом широкая общественность всех стран Латинской Америки с глубоким удовлетворением восприняла это решение, расценив его не как акт слепой мести, а как справедливую кару.

Однако нашлись люди, взявшие на себя сомнительную честь защищать бандитов. С трибуны американского конгресса, со страниц реакционной печати США раздались сердобольные вопли по адресу палачей и одновременно лицемерные обвинения в «бесчеловечности» правительства Кубы.

Американские официальные лица и реакционная печать «забыли» о том, что режим Батисты стоил жизни 20 тысячам кубинцев. Они хранили гробовое молчание в те годы, когда предавались огню и мечу целые поселки, когда тайная полиция (в составе которой, к слову сказать, числились американские офицеры) творила полнейший произвол, когда по малейшему подозрению людей убивали без суда и следствия.

Гневно ответил кубинский народ на грубую клевету американских защитников «прав человека». По предложению лидера национально-освободительной борьбы кубинского народа и нынешнего премьер-министра страны Фиделя Кастро была организована «Операция правда». На стадионе Гаваны десятки тысяч кубинцев и сотни приглашенных иностранных корреспондентов стали очевидцами судебного процесса над преступниками. Со всех концов страны стекались люди — старики, женщины, дети, чтобы добровольно дать свидетельские показания, изобличающие подсудимых.

Публикуемые здесь фотоснимки были розданы корреспондентам на проведенной недавно Фиделем Кастро специальной пресс-конференции. Эти вещественные доказательства пригвождают к позорному столбу не только клику Батисты, но и ее американских покровителей!

Те, кто творил подобные злодеяния, рассчитывали на полнейшую безнаказанность. Но их постигло справедливое возмездие народа!

МОНТЕВИДЕО, февраль.

К. КАРЕНИН

Набор инструментов заплечных дел мастеров. С помощью этих орудий пыток подвергали страшным истязаниям людей за одно лишь подозрение в оппозиции к Батисте.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

МЕЧТА О КОФЕ

Лев СЛАВИН

КАЗАЛОСЬ бы, кому пить турецкий кофе, как не туркам? Но Фрэд Пэнтон, один из редакторов американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», недавно побывавший в качестве корреспондента в Турции, сообщает, что турецкие крестьяне и рабочие «не могут даже покупать себе такой чисто национальный продукт, как турецкий кофе».

Почему же, в самом деле, турки не могут пить турецкий кофе? И при чем тут, собственно, американцы?

Обратимся к статье Пэнтона. Один из подзаголовков к его статье вопрошает: «Чем вызвано беспокойство США?». И вправду чем?

«Теперь уже поговаривают, — пишет он, — о Турции, о возможности финансового краха, то есть такого краха, который способен образовать зияющий прорыв в оборонительной линии Запада на южном фланге Советской России».

И далее:

«Соединенные Штаты поставили на Турцию слишком большую ставку, чтобы не беспокоиться за ее судьбу. За все время, начиная с 1947 года, в страну было вложено более двух миллиардов долларов в виде американской помощи, причем в большей своей части эта помощь носила военный характер».

Так вот где корни «беспокойства США»! Это боязнь игрока за целость своей ставки. Впрочем, о Турции можно сказать, что она — ставка, но она же и игрок, примазавшийся к крупному партнеру. За чей счет, однако, ведется эта игра?

«В настоящее время, — поясняет Пэнтон, — правительство Турции стало, по существу, снижать жизненный уровень населения, чтобы за счет этого выплатить долги другим странам... Все дело в том, какую степень ограничений и «аскетизма» согласятся принять турки, потому что худшее еще впереди...»

Когда-то, в XIX веке султанскую Турцию называли «Больным человеком». Ныне, если под Турцией разуметь не народ, а государство и правящие круги, ее впору назвать — «Промотавшийся игрок».

«Турки живут совершенно не по средствам»,— брюзгливо замечает Пэнтон.

Что ж, это справедливо. На нынешний год только прямые расходы Турции на военные нужды запроектированы в размере 1 миллиарда 146 миллионов лир. И это в то время, когда дефицит бюджета достигает 1 миллиарда 800 миллионов лир! Да, тут уж, конечно, не до кофейку!

Два американских джентльмена (из бесконечного числа американских джентльменов, посещающих ныне Турцию), а именно, мистер Рэдфорд, адмирал, и мистер Макги, бывший посол в Турции, предлагают турецкому народу вместо кофе баллистические ракеты. Джентльмены эти прибыли в феврале в Анкару по специальному поручению президента Эйзенхауэра.

Турция, как известно, испытывает острый недостаток в ряде насущнейших вещей, таких, например, как сахар, как сырье для предприятий, как транспортные средства и т. п. Но она набита авиабазами, ракетными базами, сверхзвуковыми истребителями, стартовыми площадками и тому подобными предметами «первой необходимости». Все это нацелено на восточную и на западную границы Турции.

«На этих чувствительных рубежах,— откровенничает Пэнтон, — турки держат солидную армию в 470 000 человек, оснащенную американской техникой и известную своими отличными боевыми качествами...»

Противоречивые чувства раздирают душу редактора «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». На его глазах Турция превращается в героя старой сказки, о котором сказано: «Нос вытащит — хвост увязит; хвост вытащит — нос увязит». Только задерет Турция кверху военный «нос», как тотчас ее хозяйственный «хвост» увязает в болоте разрухи, и Фрэд Пэнтон бьет тревогу, как бы «Турция не дошла до такого упадка, который мог бы снизить военную мощь этой страны». Ибо Турция, как подчеркивает он далее, «это решающий участок в «холодной войне»... На востоке она на протяжении 367 миль граничит с Россией. На западе имеет общую границу длиною в 125 миль с коммунистической Болгарией».

Вот это соседство со странами социалистического сектора мира—ныне самый главный самый выгодный, самый ходкий товар турецких правящих кругов. Под него они непрерывно получают всевозможные ссуды, субсидии, займы и прочие формы подачек, подавляющая часть которых идет на вооружение этой разоренной и продолжающей нищать страны. И только жалкие крохи, остающиеся от «военной помощи», вкладываются в народное хозяйство. Но и это весьма и весьма скромное строительство (за восемь лет — шесть плотин, несколько сахарных заводов и пр.) американская пресса в лице Фрэда Пэнтона гневно клеймит, как «безудержное расточительство», и рекомендует Турции политику «затягивания пояса».

Американский журнал не может скрыть, что Турции угрожает, как выражается Пэнтон, «надвигающийся паралич».

«Иностранец, приехавший в Турцию, — признает он, — очень скоро замечает, как бедно живет страна. На улицах можно видеть разбитые такси, мешающие движению. Большой процент таксомоторного парка не работает из-за недостатка запасных частей. Большая часть такси — это машины американских марок, имеющие десятилетний возраст. Турки стоят в очередях, терпеливо ожидая немногих автобусов, которые еще находятся в эксплуатации».

Но дело не только в этих внешних впечатлениях, доступных любому туристу. Опасение, что неминуем крах экономики, а стало быть, и военной мощи Турции, вынуждает Пэнтона к более углубленному анализу. И тут он начинает убеждаться, что паралич распространяется не только на конечности, но и на глубоко лежащие внутренние органы «промотавшегося игрока». «Огромное большинство турецких предприятий работает на тридцать-сорок процентов мощности»,— свидетельствует Пэнтон.

И далее:

«Цены на такие товары, как сталь, цемент, уголь, а также плата за проезд на железных дорогах и на воздушном транспорте повысились всюду на 50—100 процентов».

И все же Пэнтон не говорит всей правды о неприглядном положении современной Турции. Перечисляя цены, он слишком рано ставит точку. А ведь только за последнее время и только по официальным данным в Турции были повышены цены на сахар вдвое, на лекарства — втрое, на чай — на 60 процентов, табак — на 50 процентов, бензин — на 63 процента. «Турция,— пишет газета «Хюрриет»,— в отношении темпов роста стоимости жизни побила мировой рекорд».

Умалчивает Пэнтон и о росте налогов с населения. А ведь за последние восемь лет они выросли более чем в четыре раза!

Что же удивительного, что в турецком народе, по признанию озабоченного этим Пэнтона, «наблюдаются признаки недовольства американцами...» И как иллюстрацию к этому (не самую яркую, впрочем) приводит такой пример:

«Впервые признаки недовольства можно даже наблюдать и в турецкой армии. Высшие офицеры часто оказываются в таком положении, что должны конкурировать с американскими сержантами при обеспечении их квартирами».

Нравы, что и говорить, смахивают на чисто колониальные. Да по существу так оно и есть. Сколько бы Соединенные Штаты ни подчеркивали, что у них, в отличие от Франции, Англии, Голландии и других капиталистических стран, нет колоний, на деле некоторые слабые буржуазные государства, вроде Турции или Ирана и им подобных, подчиняют свою политику сильным империалистическим державам. И нечего жаловаться на то, что американские сержанты выхватывают квартирки из-под носа турецких полковников. Бич есть бич, и заменить кофе он не может.

Боюсь, что надежда выпить чашечку турецкого кофе становится для турок все более и более эфемерной. Или, как выражается Пэнтон, заканчивая свой пессимистический очерк:

«Большим вопросом является: сможет ли Турция доказать миру, что намеченная ею программа экономического развития заслуживает дополнительной помощи».

«Но, — тут же спохватывается он,— конечно, здесь не возникает сомнений в том, что до тех пор, пока советские коммунисты находятся у границ Турции, турки могут ожидать от Соединенных Штатов военной помощи, направленной на поддержание их боеспособности».

Этот товар — соседство с Советским Союзом — по-прежнему в цене. По-прежнему течет оружие, доллары, по-прежнему едут американские парни в далекие заморские края — «ключевые позиции США», как патетически выражается Пэнтон.

Далеконько раскинули Соединенные Штаты свои ключи. То-то хлопот будет собирать их!

НАМ ПИШУТ

ЧТО ОЖИДАЕТ ИХ НА ЮГЕ?

Под красноречивой фотографией богущего от голода, прощающегося с родной землей бразильского крестьянина, помещенной 17 февраля в «Литературной газете», стоит вопрос: «Что ожидает их на юге?» Я много лет прожила в Бразилии, и мне захотелось ответить на случайный вопрос, касающийся этой страны.

На юге Бразилии, если они до него доберутся, их ждет безработица, ждут долгие скитания по улицам незнакомых, непонятных, безучастных к их горю городов, ждут бесконечные ночи, проведенные вповалку на вокзалах, среди связанных в узелок жалких пожитков, среди плачущих от голода детей, ждет крушение всех надежд...

Вот он — большой, благоустроенный город. Белые небоскребы, ярков солнце, тысячи разноцветных автомобилей, мчащихся беспрерывным потоком по асфальту, деловито спешащие куда-то толпы людей, великосветские зеваки, прогуливающиеся мимо шикарных магазинов и фешенебельных кафе.

На фоне расставленных под цветными тентами мраморных столиков кафе и убранных в стиле «модерн» витрин возникает толпа полураздетых, оборванных, босых, давно немытых людей, ребятишек на тонких ножках с безобразно отвисшими животами, с большими печальными глазами.

Тянутся детские руки, и люди, сидящие за столиками, как бы откупаясь, бросают мелкие монеты. Когда-то эти денежки имели некоторую ценность. На одну такую монету можно было купить булку или даже съесть бутерброд и выпить чашку кофе; сейчас даже на десяток таких монет вы не купите маленькой булки, и очень много их нужно собрать, чтобы съесть тарелку риса с фасолью — национальное блюдо бразильцев...

Передо мною письмо рабочего, проживающего как раз в том, мечтающем стать вторым Нью-Йорком городе, куда стягивается основная масса беженцев с голодного северо-востока страны.

После долгой и упорной борьбы бразильский пролетариат добился увеличения минимальной заработной платы. Сумма звучит внушительно — пять тысяч девятьсот крузейро в месяц. Но цены успели значительно опередить возросший заработок. Нет никакой возможности угнаться за ними!

Хозяин фабрики перед праздниками выдал старым рабочим наградные, отметив при этом драгоценные свойства «содружества» хозяев и рабочих, действующих сообща во имя общего блага.

Как с иронией пишет мой старый товарищ, хозяин ведь не виноват, что на эту сумму можно будет приобрести только один сапог, а для покупки второго придется подождать будущего года. И хорошо, если в будущем году ты будешь работать: ведь сидят же другие по нескольку месяцев без всякой работы!

...Толпы народа бредут по дорогам с севера на юг страны. Еще жива легенда о том, что там, в далеком Сан-Пауло или Рио-де-Жанейро, несчастные жертвы засухи смогут построить новую, счастливую жизнь.

Маленькими ручейками разливается широкий поток беженцев по улицам больших городов. Днями, неделями ошеломленные, ничего не понимающие от голода, усталости и ужаса люди бродят среди немых, безразличных к их горю домов. И часто, очень часто вспыхивает среди них «психоз большого города», как называют это явление врачи-психиатры.

В переполненные психиатрические колонии, где и в нормальное время больные живут не лучше, чем в концлагерях, попадают новые десятки несчастных. Городские психиатрические пункты не успевают справляться с наплывом психически травмированных людей. Кто они? Крестьяне, потерявшие надежду найти человеческую жизнь. На «обетованном» юге для них не оказалось ни пристанища, ни работы.

Самое страшное заключается, пожалуй, в том, что сообщение, напечатанное в журнале «Жур де Франс», отражает не какое-то исключительное явление. Такие стихийные бедствия не впервые обрушиваются на бразильский северо-восток; они периодически выкашивают целые районы и гонят с насиженных мест тысячи граждан этой богатой и такой бедной страны.

Часто говорят совершенно справедливые слова о том, что этот край Бразилии может стать цветущим и благодатным, ведь надо только построить оросительные системы... Но именно из-за этого «только» нет жизни для трудолюбивых, выносливых и честных тружеников, способных работать от зари до зари, именно из-за него все пустынней становится их родной край. Это «только» перестанет существовать тогда, когда возможность создать счастье родного края окажется в руках трудового народа Бразилии.

А пока... по улицам южных городов бредут толпы бездомных людей, и тяжелым, полным смятения взглядом провожают их южные братья.

Н. ВОИНОВА

ЛЕНИНГРАД

Литературное обозрение

КНИГИ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В дни пребывания в Советском Союзе Премьер-Министра Великобритании Гарольда Макмиллана и министра иностранных дел Селвина Ллойда усилился интерес советских людей к английской культуре, усилилось их стремление к дальнейшему развитию англо-советских культурных связей. «Литературная газета» уже напечатала ряд материалов, рассказывающих о культурном обмене между СССР и Великобританией. Сегодня мы публикуем подборку рецензий на книги английских писателей, выпущенные на русском языке в последнее время.

Рассказы Кэтрин Мэнсфилд

ИЗДАННЫЙ Гослитиздатом сборник рассказов известной английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд — хороший подарок читателям.

За свою недолгую жизнь (К. Мэнсфилд умерла от туберкулеза в 1923 году 34 лет от роду) писательница опубликовала несколько сборников рассказов, прославивших ее имя и вошедших в золотой фонд английской литературы. Лучшие ее рассказы отмечены тонким проникновением в психологию героев и искренним, неподдельным чувством любви к людям.

Мэнсфилд, как правило, рисует своих героев в повседневной, будничной обстановке. В ее рассказах мало действия, в них нет бурного, стремительного развития сюжета. Содержание их почти не поддается пересказу. Сила их в большой эмоциональности, в мягкой лиричности, в простоте и вместе с тем филигранном изяществе стиля. И особенно впечатляет глубокая озабоченность писательницы неудачно сложившейся судьбой ее героев, неустроенностью их жизни, их страшным одиночеством. Правда, далеко не всегда она раскрывает нам истоки этой неустроенности.

Порой у читателя создается впечатление, что таков уж извечный удел человека на земле. Такие рассказы не выходят за камерные рамки психологических этюдов на тему о несовершенстве человеческой природы. Но в лучших рассказах Мэнсфилд чувство безысходного пессимизма побеждается верой в человека, в его безграничные возможности, преклонением перед его душевным благородством. Писательница раскрывает душевную красоту своих героев, их моральное превосходство над «утонченными» представителями «верхушки» общества, которые считают самым простым делом устроить пикник рядом с хижиной, где умирает бедняк-рабочий («Пикник»), или запретить своим детям «якшаться» с дочерьми прачки («Кукольный домик»).

Демократическая направленность лучших произведений Мэнсфилд очевидна. И если в ранних рассказах ее интересуют прежде всего психологические конфликты сами по себе, то в последний период своего творчества она проявляет все больший интерес к теме социальных противоречий, к резким контрастам между жизненным укладом «сливок» общества и его «низов».

Есть еще одно обстоятельство, которое усиливает наш интерес к творчеству Мэнсфилд. Английской литературной критикой не раз отмечалось присутствие в произведениях Мэнсфилд «чеховских мотивов». Как указывается в вступительной статье к рецензируемому сборнику, сама писательница считала себя ученицей и последовательницей Чехова, которого она высоко ценила. Читатель уловит следы этого увлечения Чеховым и в рассказе «Девочка, которая устала», близком по сюжету чеховскому рассказу «Спать хочется», и в ряде новелл, герои которых — дети.

Со времени появления рассказов Мэнсфилд прошло несколько десятилетий. Лучшие ее произведения выдержали проверку временем.

Вл. РУБИН

Среди героев Мэккина

ЕСЛИ ВАМ доведется побывать в Англии, да к тому же на ее атлантическом побережье, непременно загляните в деревенский трактирчик Пата Кинили, и там за бутылкой портера вы наверняка услышите от старого Пата эту историю. Подумать только — старик Донаф взял к себе в лодку фермера Колма, никогда и не нюхавшего моря по-настоящему, и они вдвоем обогнали братьев Коннелли, здоровенных молодых парней! Обогнали? Пожалуй, лучше сказать — не уступили. А впрочем, и до сегодняшнего дня никто точно не знает, кто же выиграл знаменитые лодочные гонки. «Все четверо появились на причале, как настоящие герои. Их подняли на плечи и с триумфом донесли до трактира Пата». Больше всех выиграл, разумеется, Колм, ведь он получил в жены дочку Донафа, красавицу Сорчу...

Ну а если у вас нет шансов в ближайшее время побывать в заведении Пата Кинили, то с историей лодочных гонок вас познакомит писатель Уолтер Мэккин в книжке рассказов «Лодочные гонки», изданной в библиотеке «Огонька». Их герои — жители приморских деревушек, люди покладистые и простые, наделенные обычными человеческими достоинствами и недостатками. Читая рассказы один за другим, узнаешь жизнь этих приморских деревушек, в которой немало своих событий. Порою эти события со «счастливым» концом. Но чаще рассказы Уолтера Мэккина пронизаны грустью. В далекие края уезжает пастух Дэрри («Зеленые горы»); он должен, он не может не «выбиться в люди». А затем он вернется к своей невесте Марте. И Дэрри вернулся, пишет У. Мэккин. «Через год, почти день в день. Но он приехал не один. Его сопровождали два американских сержанта, и гроб его был покрыт американским флагом. Отцу передали медаль, которую Дэрри получил за храбрость, проявленную в какой-то чужой войне...»

«Дети вторника родятся для удачи», — говорится в английских детских стишках. Но какой иронией оборачивается эта фраза для доктора, героя рассказа «Дети вторника». Два человека появляются на свет во вторник, «у бродяги — сын, у богача — дочка», записывает доктор и недоброе усмехается, вспоминая наивный детский стишок. Уж он-то и сейчас знает, что ждет каждого из них: в то время как одна из матерей лежит в больничной палате, заваленная подарками, другая, закутав ребенка в шаль, тащится по грязной дороге. «Дети вторника родятся для удачи»!..

Жестокость — вот то слово, которым следует определить отношения между многими героями Уолтера Мэккина. Сами по себе они, может быть, милые и веселые люди, но жизнь ставит их в такие условия, что только жестокость к ближнему становится залогом успеха в борьбе за существование. Эту мысль, высказанную прямо или косвенно, можно встретить почти во всех рассказах сборника, и это придает истинный драматизм произведениям У. Мэккина.

Один из наиболее ярких рассказов сборника — «Оценщик». Старик, весело шутивший с незнакомцем, зашедшим к нему в дом, не раздумывая, оставляет его в непроходимой топи, когда узнает, что пришелец — инспектор отдела по выплате пенсий по старости. Дело в том, что старик и его брат хлопочут о пенсии и считают свое дело проигранным после того, как инспектор Тим Винтерс замечает пару их волов на пастбище...

Уолтер Мэккин — новое имя для советских читателей. Нельзя не оценить положительно издание сборника «Лодочные гонки», автор которого обладает острым, проницательным взглядом настоящего художника, пытливо всматривающегося в жизнь.

А. ЮГИН

В поселке Террасы

АНГЛИЙСКИЙ писатель Гвин Томас назвал свою небольшую повесть о жителях шахтерского поселка, выпущенную ныне Издательством иностранной литературы, «Безвестные философы».

Повесть не богата событиями. В поселке Террасы перемены происходят очень редко. Автор стремится прежде всего раскрыть перед нами внутренний мир рабочего, от имени которого ведется рассказ, и его товарищей. Однако о каждом из героев мы узнаем достаточно для того, чтобы, становясь участниками их бесед, понимать, как сложились их жизненные взгляды, какая действительность стоит за теми суждениями, которые они высказывают. А действительность эта сурова. За плечами героев повести — годы тяжелого труда и годы безработицы, вызванной кризисом тридцатых годов. И если в тот период, о котором повествует рассказчик, у него и его товарищей — Уолтера, Бена и Артура — имеется работа, то все они с горечью понимают, что этим они обязаны подготовке к войне, которая им «так же ненавистна, как и безработица».

Основной конфликт повести — столкновение морали простых людей с ханжеством и лицемерием, которое воплощено в образе местного священника, преподобного Эммануила Приса.

Под давлением хозяина шахт Эммануил Прис, в молодости выступавший нередко в защиту интересов простых людей, отошел от народа, стал проповедником морали смирения и повиновения. Это тяготит и самого священника. Личные переживания и встреча с героями повести, которые были некогда его приверженцами, заставляют священника пойти на разрыв с «сильными мира сего». В книге торжествует мораль простых людей, чувство товарищества и солидарности.

Таланту Гвина Томаса присущи юмор и ирония. Может быть, частица этой иронии заключается и в том, что он называет своих героев «философами». Они действительно любят поговорить, поразмыслить над событиями, происходящими в окружающем их мире. Но их размышления — не пустое философствование: они судят о жизни здраво и глубоко. «...Те, чья жизнь — суровая зима, убивающая своим ледяным дыханием надежды, — нам братья, и мы знаем их жизнь, как свои пять пальцев».

Сознание братства простых людей помогает героям книги сохранить надежду и свое человеческое достоинство в условиях, где сделать это далеко не просто. И мы знаем, что люди, подобные героям Гвина Томаса, борются сегодня за мир, ибо они по-прежнему убеждены, что народы... «хотят одного — жить как можно лучше, не вырывая друг у друга кусок изо рта и не вцепляясь друг другу когтями в сердце».

В. СТЕПАНОВ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН, А. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02049